

**ЕЛЕНА
ЧАЛОВА**

СТРОЮ ЖЕ

Камень был всем, что могло пугать: ненавистью фанатика; тысячью бритв, которые грозили впиться в кожу; сгустком змеиного яда, от прикосновения к которому немели пальцы. Преодолев себя, Мири поднесла камень к лампе. Теперь она не только осязала, но и видела ужас. Под неровной поверхностью жил темный сгусток. Рука, повинувшись многолетней привычке, повернула камень, и девушка увидела лик. Станным образом он не имел черт, и потому нельзя было сказать, что он уродлив. Сутью его были ужас и боль. Мири отшатнулась: ей показалось, что изнутри камня на нее смотрит нечто.

"Ярость богов"

Остросюжет

Елена Чалова

«Ярость богов»

«ВЕЧЕ»

2011

Чалова Е. Э.

«Ярость богов» / Е. Э. Чалова — «ВЕЧЕ», 2011 — (Остросюжет)

Во все века люди поклонялись красоте и магии драгоценных камней, приписывали им волшебные и лечебные свойства, совершали ради обладания ими самые страшные и кровавые преступления. Молодому эксперту-геммологу Мириам поступает заманчивое предложение: поучаствовать в международном аукционе, на котором будет выставлен знаменитый рубин «Ярость богов». От Мириам требуется квалифицированная оценка камня. Однако приятная поездка в Швейцарию неожиданно превращается в смертельную гонку-преследование, где главной ставкой становится собственная жизнь девушки...

© Чалова Е. Э., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Елена Чалова «Ярость богов»

©Чалова Е., 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Городок Лишем в графстве Суссекс не может похвастаться известными историческими достопримечательностями. Нет здесь огромных мегалитов, загадочно расставленных неизвестно кем, когда и зачем. Ни один эксцентричный английский аристократ не выстроил рядом родовой замок и не населил его привидениями. Это просто один из многих британских городков, окруженных полями и дорогами. В Лишеме есть старый район – каменные двух- и трехэтажные дома, увитые многолетними плющами, с роскошными розами, цветущими в маленьких палисадничках. Каждое утро местные жители слышат колокольный звон, потому что на самой старой и узкой улочке городка стоит церковь восемнадцатого века – небольшая, с прекрасно сохранившимися витражами и старыми деревянными скамьями. На спинках и подлокотниках сидений темного дерева вырезаны львиные морды и лапы, гирлянды волшебных цветов, а кое-где дворянские гербы. У многих горожан и жителей окрестных поместий здесь есть свои места, на которых сидели еще их родители, деды и прадеды.

В прежние времена время текло медленнее, и долгими вечерами почтенные горожанки преклонных лет вышивали в дар церкви подушечки, чтобы не так жестко было сидеть на деревянных скамьях во время неспешных проповедей и преклонять колени в молитве. Слегка выцветшие и потертые плоды их рукоделия по-прежнему красиво смотрятся на фоне темного дерева; верой и правдой служат верующим. В наши дни пожилые леди занимаются спортом, ездят за границу и общаются в социальных сетях, а потому редко снисходят до рукоделия.

Вдоль главной улицы расположены магазинчики: «Одежда» (в мутноватой витрине просматривалась невероятная шляпа, бесформенный свитер и невнятная юбка в складку), «Обувь на заказ», «Бытовая техника», «Посуда» (все новые предметы уместились в одной витрине, а большую часть темноватой лавчонки занимали неполные сервизы времен королевы Анны, викторианское серебро, слегка потрескавшиеся статуэтки, вазы и безделушки прошлых эпох). Здесь есть паб, он называется «Белая лошадь» и украшен весьма традиционной вывеской: подкова и лошадиная голова. Когда зимой с холмов дует сырой ветер, вывеска скрипит и качается.

«Новый район», который вырос здесь во второй половине двадцатого века, не так уж сильно отличается от старого: двух-трехэтажные дома сложены из того же серого камня и с соблюдением всех английских особенностей: небольшие окна, довольно низкие потолки, к каждому дому примыкает садик.

В этом районе есть китайское кафе и итальянская пиццерия, школа, почта, стадион и прочие атрибуты цивилизации.

Но в целом городок прелестно патриархален и только вам решать, как оценить эту прелесть: как болото, где можно умереть с тоски, или как благословенно тихое и благополучное местечко.

День выдался ясный и холодный, но, к счастью, безветренный. Отправляясь из Лондона в путь с утра пораньше, Мири положила в багажник теплую куртку и перчатки. Надела вторые носочки и теперь, поеживаясь от морозца, мысленно хвалила себя за предусмотрительность.

Сегодня в городе Лишем ярмарка, и вся центральная площадь заставлена лотками и машинами. Ее лондонский приятель, с которым они долго предвкушали эту поездку, свалился с тяжелой простудой, и теперь Мири бродила по рядам торговцев одна. Без Джона и его вечных шуточек не так интересно, но все равно, она была рада, что приехала сюда.

Ну-ка, это что такое? Мири с сомнением разглядывала китайскую ширму. Красивая, конечно, вещь... но состояние не очень хорошее, и вероятнее всего, это подделка. С ширмой соседствовали: патефон, пара шляпок пятидесятих годов (винтаж!), крашеный розовой краской страшненький комодик, бронзовые дверные молотки... Она взглянула на продавца. Типичный фермер: красные, не слишком ухоженные руки, обветренное лицо. Вон карман оттопыривается – небось фляжка у него там для сугрева. Да и фургончик рядом припаркован такой... характерный, вот и ящики в глубине видны, и земля кое-где прилипла.

– Скажите, а откуда у вас эти вещи?

Она сопровождала вопрос приветливой улыбкой, не желая сердить продавца.

Но тот, казалось, был не прочь поговорить. Мири слушала внимательно, потому что дядька говорил с каким-то пришепетыванием – то ли местечковый акцент, то ли зубы не очень удачно протезированы.

– Наследство это. Флора померла два с чем-то месяца назад, да... – неторопливо рассказывал фермер. – Моя старшая сестра. И так как у нее больше никого не было, то вещички нам велели забрать, потому что дом-то был не ее, понятное дело, арендованный. А уж барахла у Флоры полно было, она еще девочкой так умела комнату захламить, что мать прямо с ума сходила. Вот и потом тащила в дом всякую рухлядь... Что-то покупала, выменивала, бывало, и со свалки приносила.

Мужчина потер щетинистый подбородок и неуверенно взглянул на Мири. Та опять улыбнулась и кивнула, чтобы показать, что слушает.

– Так вот это ее вещи-то. Да... Уж мы с женой разбирались в ее домишке, разбирались... Кое-что дочка моя забрала, сервизы там... ложки. Молочник был серебряный, так это мать еще покупала... Жена себе бокалы оставила и кое-что из мебели. Одежду выбросили, там и смотреть было не на что, джинсы, куртки. Моя жена и не наденет такое... особенно кожу да с заклепками. Она всегда была с причудами, моя Флора.

Мири сжала губы, чтобы не захихикать. Она представила себе бабу в джинсах, косухе и с сигаретой. Шмыгнула носом. Наверняка Флора курила – отсюда и запах, которым пропиталась ширма.

– А уж эту рухлядь жена велела сюда свезти, – тянул фермер. – Сегодня постою тут, день потеряю, а потом отдам перекупщику, если никто не купит. А то, может, и выбросить придется.

Мири кивала. Конечно, из извечной бережливости он сам поехал на эту сельскую баракхолку, ведь сейчас зима и у фермеров не так много работы, как летом. Англичане умеют считать деньги, хотя такими крохоборами, как французы, бывают редко.

Мири стянула перчатки и принялась перебирать и ощупывать вещи. Все-таки удивительно, что ее талант распространяется только на драгоценные камни. Она, конечно, кое-что понимает и в другом антиквариате, но лишь на уровне приобретенных знаний. За время учебы в Сорбонне Мири перечитала кучу книг и обошла немало музеев и баракхол. Но чутья на мебель у нее так и не появилось. Вот Антуан – другое дело. Она вздохнула, вспомнив однокурсника: очкастого и круглолицего Антуана. У него сейчас крупный антикварный магазин в Париже и еще один в Лионе... а когда они ужинали вместе в прошлое Рождество, он что-то говорил о планах расширения бизнеса в Швейцарию. Такой стал солидный и важный, костюмы носит дорогие. Женился на девушке из хорошей семьи – среди ее предков насчитывалось несколько поколений банкиров. Естественно, взял неплохое приданое. Сейчас у него две маленькие дочки. В прошлую встречу Антуан с гордостью показывал ей фотографии: смешные такие девчонки, с круглыми рожицами и курносими носиками, похожие на отца. А студентами

Мири и Антуан вместе лазили по Блошиному рынку в Париже. Антуана уже узнавали перекупщики и порой кричали:

– Эй, cochon¹, иди, глянь на эти стулья! Говорят, на них сживала мадам Помпадур!

Антуан, не обижаясь на прозвище, шел на зов и внимательно оглядывал стулья. Поправлял очки и серьезно изрекал:

– Сделано в Германии лет тридцать назад.

– Но-но, – кипятился барыга. – Какие тридцать? Взгляни на вензеля!

Антуан пожимал плечами и очень серьезно говорил:

– Я же не предлагаю вам повторять это клиентам. Кстати, вон тот ломберный столик кажется мне симпатичным... Не как антиквариат, конечно, но моя тетушка любит такие стилизованные вещи. Я его сам подправлю, почищу, подмажу кое-где... Сколько вы за него хотите?

Следовал ожесточенный торг, и Антуан уносил столик, негромко поясняя Мири:

– Его привезли из Англии. Эпоха королевы Виктории... просто чудо, что он сохранился в таком прекрасном состоянии.

Мири знала, что, несмотря на свой добропорядочный брак и двух дочек, Антуан по-прежнему к ней неровно дышит. Надо бы позвонить, спросить, как там он поживает, поболтать. Но это потом. А сейчас нужно сосредоточиться и взглянуть на эту ширму глазами Антуана. Вопросы, конечно, есть: почему она такая маленькая? Ага, вот место слома, значит, одной створки не хватает. И шелк, возможно, даже не меняли. Узор трудно разобрать под слоем пыли и грязи... кажется, птицы и цветы. И все же это явно Китай, девятнадцатый век, будем надеяться, что начало.

Она быстро перебрала другие вещи, но не нашла больше ничего интересного. Фермеру было скучно, и торг занял немало времени, но в конце концов они ударили по рукам. Мири расплатилась и бережно отнесла ширму к себе в машину. Купила в автолавке рядом со стоянкой стаканчик горячего какао. Взглянула на часы. Пожалуй, можно побродить еще немного.

И Мири опять углубилась в ряды продавцов, разложивших свой товар на столиках, картоне, а то и просто на земле.

Такие ярмарки-барахолки проходят по всей Англии довольно регулярно. В каком-нибудь городке заранее печатаются и развешиваются объявления, информация размещается в прессе и в Интернете. И вот в назначенный день масса людей съезжается со всего графства (а то и из других концов страны) на какое-нибудь поле, площадь, стадион или другое назначенное властями место. Каждый волен продать то, что ему не нужно: мебель, украшения, игрушки, посуду, старые фотографии, пластинки, коллекционные карточки, зажигалки, каминные щипцы, сумки... Любую вещь вы найдете ее на одном из таких рынков. Правда, зонтик может оказаться дырявым или вовсе сломанным, а чашки и блюда – немного оббитыми и с щербинками. Но если вы коллекционер, то именно в таких местах вы чувствуете, что живете не зря, что сокровище может поджидать вас буквально у следующего лотка. Азарт гонит людей от одного продавца к другому, и всегда есть надежда, есть шанс найти, ухватить, выкопать в гряде барахла что-то интересное.

Само собой профессиональные перекупщики тоже посещают такие торжища и вылавливают все более-менее ценное, чтобы потом продать за совершенно другие деньги. Но когда ярмарка только начинается, все – и профессионалы и любители – находятся в равных условиях.

А ведь есть еще и настоящие аукционы. Все знают про Сотбис или Кристи, но это для очень и очень богатых людей и эксклюзивных предметов искусства. Существует совершенно другой масштаб предприятий и цен. Аукционы также проводятся в разных уголках страны и порой там за небольшие деньги можно купить весьма интересные вещи, и здесь меньше шансов

¹ Cochon – *фр.* молочный поросенок. – *Примеч. авт.*

нарваться на подделку, чем на рынке: все выставленные на торги предметы предварительно оцениваются экспертами.

Мири пила какао, грела ладони о стаканчик и думала о бабушке. Если удастся отреставрировать ширму, то получится прекрасный подарок на Рождество. Старая Мириам любила внучку и всегда баловала ее. И девушка платила бабушке заботой и искренней привязанностью. Как ни странно, но отношения с савта² Мириам у нее сложились близкие и дружественные... гораздо более близкие, чем с матерью.

Собственно, и геммологом³ Мири стала лишь благодаря бабушке Мириам. Бабушка тогда еще жила во Франции и вела семейные дела, потому что была весьма ловким и преуспевающим адвокатом. Кроме того, старая Мириам обладала железной волей и сильным характером. Многие члены семьи не просто уважали ее, но и откровенно побаивались. И вот однажды она привела внучку, которой было тогда лет шесть, в магазин к своему племяннику Давиду, известному парижскому ювелиру. Пока Мири бродила меж прилавков, разглядывая сверкающие кольца, броши и браслеты, бабушка загнала Давида в угол и что-то негромко ему внушала. Родственник вяло отнекивался, но противоречить бабушке не посмел, и через некоторое время все втроем они оказались в комнатке, куда приглашались только самые солидные клиенты. Здесь имелся большой стол красного дерева на львиных лапах и бархатные портьеры, удобные кресла и неяркий свет.

Малышку Мири усадили в кресло, и дядя Давид принес небольшой поднос, на котором насыпаны были камни; обработанные, но без оправ. Мири с интересом разглядывала зеленые кристаллы. Даже не прикасаясь к ним, девочка видела, что они разные, но без разрешения дяди трогать их опасалась. Бабушка придвинула к ней поднос и попросила:

– Отбери те камушки, что тебе нравятся.

Девочка с удовольствием запустила пальчики в скопление зеленого блеска. Сколько себя помнила, она всегда любила драгоценности. Если малышку нужно было отвлечь от больного зуба или успокоить, ей давали кольцо или подвеску с камнем.

Мать пользовалась этой странной особенностью ребенка исключительно с практическими целями, но бабушка стала наблюдать за девочкой внимательно. Ей пришлось в голову, что малышка могла унаследовать талант своих предков. В их роду было много ювелиров, но старая Мириам еще помнила Йозефа – старика, о котором ходили легенды. Он просто брал драгоценный камень, крутил его в пальцах, иной раз даже глаза закрывал – и на ощупь мог совершенно точно определить название самоцвета, из какой он страны, его чистоту и вес.

Бабушка с интересом смотрела, как девочка наряжает куклу в ожерелье из искусственных опалов, а себе в качестве украшения выбирает не очень заметный, но зато природный и довольно чистый александрит. Старая Мириам понадеялась, что это дар, как у Йозефа, и решила проверить свои догадки. И вот они сидят в жаркой комнате, Давид сопит, он слишком толстый и одышливый, но ведь это не ее, Мириам забота, пусть жена думает о его здоровье. Пару раз ювелир осмелился тихонько фыркнуть, но Мириам, сидевшая в кресле, как на троне – с абсолютно прямой спиной – бросила на него холодный взгляд, и Давид притих.

Мири, перебрав зеленые осколки, поделила их на три кучки.

– Это какие? – спросил дядя. Видно было, что происходящее ему не нравится, но даже против воли он все же с любопытством следил за девочкой.

– Это некрасивые, – уверенно заявила та.

– А эти?

– Они мне нравятся.

² Савта – *иврит* бабушка.

³ Геммолог – специалист по драгоценным камням.

– Но почему ты убрала те три изумруда?

– Они грязные.

Служанка принесла поднос. Сладкий чай – для дяди, крепкий черный кофе – для бабушки Мириам и какао с печеньем – для Мири.

– Ну? – спросила бабушка.

– В принципе, это интересно, – пробормотал Давид, кончиком карандаша пошевелив камни и поднеся пару к лампе. – Забавно. Те камни, что она сочла некрасивыми, – искусственно выращенные изумруды. На вид отличить их от натуральных невозможно... практически невозможно... Но с этими тремя она ошиблась. Это чистейшие, без изъянов, колумбийские изумруды.

– Может, мы не так поняли, – задумчиво произнесла бабушка. – Скажи мне, детка, – повернулась она к внучке. – Что именно тебе не нравится? Внутри камней что-то не так?

– Нет, внутри они ровные, – подумав, сказала девочка. – Но они грязные... сальные и липкие.

Дядя засопел, вынул из кармана большой клетчатый платок и принялся, бормоча что-то нелестное про маленькую нахалку, полировать камень. Потом тем же платком стал вытирать покрасневшую шею. Мири стало неловко, она не хотела обижать дядю Давида, но бабушка устремила на него зоркий взгляд.

– Давид, ты опять? Ты же обещал этого больше не делать! Тебе что, мало денег? Или не хватает неприятностей? Ты взял краденые камни?

Дядя сопел; его шея перешла от красной палитры к багровой, но в конце концов он все же просипел сдавленным голосом, опасливо покосившись на Мири.

– Ты их видела? Где в наши дни я найду такие изумруды по таким деньгам? Я переплавил оправы... сделаю новые, и никто не догадается... Это же не Куллинан какой-нибудь, просто хорошие камни.

– Но если девочка права, то на них может быть кровь!

– Ой, тетя Мириам, что вы, право! А если она не права? Да и вообще... Вас послушать, так словно я сам убийца! Я мастер, ювелир, я не бегаю по улицам с пистолетом! Я даже плачу налоги и помогаю бедным!

Они спорили еще некоторое время. Но мало кому удавалось выйти победителем из спора со старой Мириам, и в конце концов дядя Давид сдался. Он опять вытер шею клетчатым платком и пробормотал:

– Ладно, раз вы так хотите, я буду учить девочку. Хотя что за толк от женщины-ювелира, я не понимаю.

Зато савта уверилась в своей правоте.

– Ты талантлива, детка, – внушала она внучке, – И должна применять свой дар. Ничто в жизни не дается просто так... у всего есть предназначение. Твое предназначение – знать камни, чувствовать их, понимать. Ты ведь любишь камни?

– Да, – отвечала девочка, замороженно глядя в блеск бриллиантов в бабушкиных серьгах. – Расскажи мне сказку, савта.

И Мириам рассказывала девочке очередную удивительную историю:

– *Боги и демоны договорились, что поделят пополам Нектар Бессмертия и другие найденные в океане сокровища. Этот океан Вишину увидел во сне, лежа на своей бесконечно длинной змее, и так был создан материальный мир. Боги и демоны перевернули вверх дном ось мира, гору Меру. Вишину превратился в аватар, Космическую Черепашу, плывущую по бездонным водам, чтобы стать основанием, в которое смогли бы упереть гору.*

А бесконечная змея стала веревкой для пахтания. Боги и демоны стали на противоположных берегах и начали пахтать Океан, как крестьянин пахтает свежее молоко, чтобы получить масло.

После тысячи лет трудов на поверхность стали подниматься сокровища. Первой появилась Корова, Дарующая Желания, и ее тут же забрали боги. Затем появилась Морская Богиня, благоухающее Дерево, Исполняющее Желания, и небесные танцовщицы Апсары. Шива выловил Сом-луну и сразу же поместил ее в свою прическу, а также забрал росток конопли. Вишну получил рубин Каустабха и повесил его на грудь, как медаль.

Затем из глубин появилась Махалакшми, Мать-Земля, Богиня Процветания, сидя на блистающем лотосе и держа цветок водяной лилии в руке. Четыре бессмертных слона, поддерживавших землю, наполнили золотые кувшины водой из Ганга и других священных рек и окропили богиню. Она сразу же побежала к своему возлюбленному, богу Вишну, и села ему на колени. Тут демоны начали роптать на то, что боги забирают себе всю добычу...

А потом была война, и боги бились с демонами, и всякий раз, как могучая длань Вишну поражала демона, забирая у него жизнь, рубин у него на груди вспыхивал и разгорался ярче.

Так решилась судьба Мири. Впрочем, не сразу попала она под опеку дяди Давида. Бабушка решила, что девочка должна получить крепкое начальное образование. И ни минуты не колеблясь, старая Мириам заявила, что настоящее образование ребенок может получить только в России.

Дело в том, что когда-то Мириам была замужем за австрийским дипломатом (это был ее третий муж). Неизвестно за какие заслуги (или грехи), но дипломата направили служить в австрийское посольство в Москве. Мириам поехала за мужем и привезла с собой дочку Соню. Сонечка была милым легкомысленным ребенком, в меру ленивым, и мать не требовала от нее особых успехов в учебе (будучи уверенной, что Сонечка пошла в отца, который был чертовски обаятелен, но не сильно умен). Они прожили в Москве два года, а когда вернулись в Австрию, Мириам была поражена тем, что ее Соня вдруг стала отличницей. Когда она начинала хвалить девочку, та лишь пожимала плечами и говорила, что после московской школы здесь просто детский сад.

Соне понравилось ходить в отличницах, и она старалась, без труда поступила в университет и, к немалому удивлению собственной матери, стала специалистом по биржевым операциям и зарабатывала весьма неплохие деньги.

Соня сохранила о жизни в Москве хорошие воспоминания: в их классе учились дети из разных стран, было ужасно весело, зимы приносили с собой елку, праздник, Деда Мороза со Снегурочкой... а потому она не стала противиться желанию старой Мириам и легко согласилась отправить Мири в Москву.

Они без труда нашли родственников в России. Только теперь это был не дипломат, а топ-менеджер совместного предприятия с участием иностранного капитала. Компания снимала для его семьи просторную квартиру в районе метро «Цветной бульвар». Жена топ-менеджера подвизалась в роли свободного художника; она писала статьи и делала фоторепортажи для одного из модных журналов. Их дочь, Даниэла, была на год старше Мири и училась во втором классе, но Мири не захотела расставаться с подругой и в результате пошла сразу во второй класс, в одну из лучших московских школ.

В учебном году каникулы бывают четыре раза. Каждый раз Мири улетаала в Европу. Иной раз жила у бабушки, иной – у мамы. Честно сказать, жить у бабушки Мири нравилось больше. Мать все время пыталась устроить свою личную жизнь, и ей было не до Мири. Когда Соня находилась в начале очередной любовной истории, ее захлестывала волна романтической влюбленности, и совершенно некстати было появление девочки, которую нужно сводить к зубному, одевать, выслушивать какие-то глупые детские истории... Если роман был в разгаре, то ребенок опять же оказывался некстати, потому что отвлекал мужчину от нее, Сони. Потом отношения с очередным возлюбленным начинали осложняться, и Соню терзали ревность, разоча-

рование, а тут девица нахально-требовательного возраста, с какими-то детско-подростковыми проблемами... И так никаких нервов не хватает!

Савта Мириам никогда не позволяла себе выплескивать на внуку негативные эмоции. Мири ни разу не видела бабушку непричесанной или неодетой. Даже домашний костюм неизменно демонстрировал безупречный вкус и высшее качество. И всегда, когда бы девочка ни попросила, савта находила время, чтобы поговорить с ней. Не спеша, не на бегу. А еще она рассказывала Мири о камнях. О том, как некоторые из них влияют на людей, вплетая свой блеск в саму историю человечества.

– Знаешь ли ты, кто такой Марко Поло? – спрашивала бабушка.

В камине горит огонь, за окном стужаются ранние зимние сумерки. Мири сонно вздыхает. Сегодня она каталась на лыжах и лепила снеговика, завтра они с бабушкой поедут в город на рождественский базар, покупать подарки. Каникулы – великая вещь и хорошо бы они не кончались...

– Марко Поло? – переспрашивает девочка, откидывая за спину тяжелые пряди темных волос. – Это путешественник. Нам на истории рассказывали. Он ездил в Индию, Китай и еще куда-то.

Бабушка кладет на колени старую, с пожелтевшими страницами книгу, и Мири, сонно жмурясь на огонь, слушает историю приключений великого итальянца. И как всегда, она обязательно узнает о судьбе необыкновенных драгоценных камней.

– Господин, господин!

Марко проснулся мгновенно, кажется, еще до того, как шепот слуги раздался возле двери. Нащупал кинжал, который всегда клал подле кровати, и рывком сел.

– Это ты, Лучано?

– Да, господин.

Доверенный слуга проскользнул в темную комнату. Здесь не было окон – только узкие щели вдоль потолка. Так строили спальни в домах богатых людей, которые имели основания опасаться за свою жизнь. Дом был подарен ханом Хубилаем семейству Поло в знак особого расположения. Марко, его отцу Никколо и дяде Маффео понадобилось некоторое время, чтобы сменить слуг и кое-что переделать, но теперь они чувствовали себя здесь почти в безопасности. Почти... Но хан, или, как он приказал теперь себя называть, император Ши-цзу – был человеком со множеством врагов, и Марко твердо знал: если он хочет остаться в живых, то спать надо вполглаза и ходить, оглядываясь.

– Что случилось, Лучано?

– Там пришла служанка...

– Служанка?

– Да, из дворца. Она говорит, что вас хочет видеть одна знатная дама.

– М-м?

Не сказать, чтобы венецианца так уж сильно удивили эти слова. Он давно обнаружил, что женщины во всех частях света весьма схожи. Они все падки на драгоценности и новшества. Жены монгольской аристократии – не исключение. Пришелец из далеких земель казался им диковинкой, которую обидно было бы пропустить, не попробовав. А так как Марко был самым молодым из троих купцов, то и внимания ему доставалось больше всех. Правда, в последнее время интерес жен и дочерей царских сановников несколько поутих. Но вот вам – опять кого-то разобрало.

Марко отложил кинжал и постарался проснуться и сосредоточиться.

– А что за дама? – спросил он.

– Не говорит.

– Приведи служанку, – велел он.

В несколько минут одиночества венецианец попытался сообразить, кого из дам он мог заинтересовать на этот раз. Женщины монголов ему не очень нравились. Плоские маловыразительные лица, привычка разговаривать громко и грубо, а также отсутствие всякой изысканности сильно испортили первое впечатление. Довольно быстро Марко убедился, что монголки не столь искусны в любви, как индианки или китаянки. А еще они были жестоки и властолюбивы, хоть и старались держаться в тени мужей и отцов.

Так ничего и не придумав, он просто сидел и ждал, прислушиваясь. Вот послышались негромкие шаги, и Лучано толкнул в комнату невысокую женщину. Слуга остался у двери, держа в руках платок с огарком. При свете свечи Марко разглядел плоское морщинистое лицо – не китаянка, из монголов, и похожа на самую доверенную служанку дома.

– Кто твоя госпожа? – спросил он на вполне приличном монгольском.

– Принцесса Сарнай.

– Дочь самого хана Хубилая? – Марко едва удержался, чтобы не схватиться за голову. Вот не было печали! Ладно бы дама замужня, но дочь хана, да еще та, что он прочит замуж!

– У госпожи к вам дело, – прошептала служанка.

– Да-да, конечно, но, видишь ли... я нездоров. Это такая болезнь, которая может навредить принцессе...

– Госпожа хочет поговорить с вами.

– Поговорить? – с сомнением спросил Марко.

Кто знает, почему он решил рискнуть. Впрочем, если бы Марко не привык за время путешествия доверять своей интуиции, он не добился бы своего нынешнего высокого положения и дела его не шли бы так успешно. Хотя успех вещь относительная. Дядя Маффео и отец не перестают сокрушаться, что миссия, возложенная на них Папой Григорием, оказалась фактически невыполненной. Но Господь – свидетель, не их в том вина. Так сложились обстоятельства.

Когда братья Маффео и Никколо Поло первый раз прибыли на Восток с товарами, то допущены были предстать перед монгольским ханом Берке, чья ставка располагалась на Волге. Братья выгодно продали товары и хотели вернуться в Константинополь, где не так давно открыли торговый дом. Но опять шла война, дороги стали непроезжими и они двинулись дальше в глубь завоеванных территорий, что свидетельствовало о недюжинной смелости венецианцев.

Их привезли в Каракорум, ставку хана Хубилая, покорившего Северный Китай и готовившего вторжение в южную его часть (завоевание коей он завершит в 1279 году). Внук Чингисхана, Хубилай, разделил с другими братьями наследство своих предшественников. Монголы заняли Туркестан, Персию, Афганистан, регулярно совершали набеги на Валахию и наводили ужас на города и государства Европы. Любые сведения о столь грозном противнике были важны для европейских государей, и потому любая миссия в те времена – торговая или проводимая под эгидой церкви – неизбежно имела и разведывательное значение.

Хан принял братьев Поло весьма милостиво, расспрашивал про их страну, про веру, про то, где побывали и что видели почтенные купцы. Проникновенный рассказ братьев о красоте и богатстве церкви, про славу небесную Господа нашего заинтересовал хана. И передал он с купцами письмо к папе как к наместнику Бога на Земле, чтобы прислал папа к его двору сто мудрецов, и чтобы они объяснили христианское учение.

Братья Маффео и Никколо вернулись домой и отправились к папскому двору. Но дорога от Каракорума заняла три года, папа к тому времени умер, а избрания нового пришлось ждать почти год. И все же в конце концов новоизбранный наместник отослал с братьями нескольких монахов-доминиканцев, написал письмо к хану, а еще имел с братьями беседу приватную. Марко по молодости лет на аудиенцию к папе допущен не был, но он всегда имел

талант слушать и делать выводы. В пути дядя и отец говорили меж собой о миссии, которую возложил на них папа. Миссия эта была важна и обременительна – собрать сколь можно больше сведений о татарах (так тогда называли монголов и остальных представителей родственных племен) и по возможности склонить их к союзу с христианским миром.

В этот раз путешествие длилось три с половиной года и монахи-доминиканцы не вынесли тягот и опасностей пути. Так что перед темные и весьма пронизательные очи хана Хубилая опять предстали те же неугомные венецианские купцы, которые, по сути, не привезли ему ничего нового – письмо от папы, смысл коего хану, кажется, остался неясен. Да еще рассказы о странствиях – их хан слушал с удовольствием. Особенно красноречив оказался молодой Марко. Хан не раз звал к себе юношу и беседовал с ним.

Марко спешил за расторопной служанкой, пробираясь по темным узким проходам меж домов, подкальзываясь на вылитых накануне вечером помоях и раздумывая о том, что ждет чужестранца, если стража поймает его в покоях принцессы. Мысль об этом пугала, и он не раз готов был повернуть назад.

И все же они благополучно добрались до дворца; служанка привела купца в комнату, освещенную лишь лунным светом, и закутанная в шелковую ткань принцесса сверкнула на него глазами из-под темных бровей.

– Я наслышана о твоих талантах, чужеземец, – сказала принцесса Сарнай. – Мой отец, великий хан, не стал бы отправлять глупца с важными поручениями в Индию и Кинсай. Теперь я хочу, чтобы ты употребил силы своего разума и свою хитрость для меня. Я хочу, чтобы ты помог мне, чужеземец, – сказала она. – Я заплачу тебе щедро.

– Помочь? Но чем же я могу помочь? – растерялся Марко.

– Отец хочет выдать меня замуж за ильхана Аргуна, что правит Персией. Хан прислал послов и просил моей руки. Я стану его женой, и у меня будет власть. Дочь хана – игрушка, а жена хана может стать вторым человеком в государстве. Но отец все откладывает мой отъезд из-за того, что Персия далеко, и дорога туда лежит через беспокойные районы. Один раз мы даже тронулись было в путь... караван пришлось повернуть обратно, и я чудом осталась жива. Но я хочу уехать! Я хочу царствовать! – Сарнай повысила было голос и даже ножкой топнула, но тут же одумалась. Некоторое время она и Марко молчали, прислушиваясь. Но ничто не нарушало сонную тишину дворца, и принцесса продолжала вполголоса: – Мне известно, что ты, твой отец и дядя тоже мечтаете вернуться туда, откуда вы родом. Но хан не отпустит вас просто потому, что вы соскучились. Он не любит разбрасываться ценным имуществом, а вы ценны для него своими знаниями.

Марко смотрел на принцессу в немом восхищении. Она ведь совсем юная – лет четырнадцать-пятнадцать, не больше. Но какой разум! Сарнай по-монгольски значит Роза, и он ясно видел, сколько шипов на этом красивом и горделиво прямом стебле.

– Госпожа затмевает разумом многих государственных мужей, окружающих хана, – почтительно сказал он. – Но я все еще не понимаю, как я, ничтожный, могу быть полезен принцессе...

– Предложи отцу сопроводить меня в пути, – продолжала принцесса.

– Но с чего вы взяли, госпожа, что мы сможем защитить вас лучше, чем отряд стражников?

– Сможете, если мы будем путешествовать по морю.

Марко, еще раз восхвалив разумность принцессы, сделал все, чтобы не сказать ни да, ни нет. Предложение сие требовалось обдумать тщательно и посоветоваться с отцом и дядей. Некоторое время они шепотом препирались; Сарнай все пыталась получить с купца клятву верности, но Марко, как истинный венецианец, умел искусно играть словами и всячески избегал прямых обязательств. Он вздохнул с облегчением, когда в дверях показалась служанка

и замахала руками. Сарнай тут же исчезла за дверью, а Марко через некоторое время также тайно был выпровожен из дворца.

Венецианцы все обсудили промеж собой и, подивившись разумности и хитрости принцессы Сарнай, решили следовать ее плану. Ибо хан уже не раз отказывал в просьбе отпустить их на родину. Превыше всего он ценил Марко. Молодой купец знал четыре языка – среди них арабский и монгольский, а потому легко мог общаться с другими иностранцами на службе хана, ибо тот использовал таланты арабов и персов, армян и турок. Любой разумный и сведущий человек, понравившийся и доказавший хану свою полезность, мог ему служить. Не становилась препятствием и религия. Впервые Марко видел империю, где так терпимо относились к вопросам вероисповедания. Часть монгольских ханов приняла ислам; кое-кто, по слухам, был крещен; старая знать придерживалась веры предков – язычества. А сам Хубилай уже в зрелом возрасте стал буддистом.

Но как ни был Марко обласкан вниманием и расположением владыки, какие бы посты он ни занимал, но и ему уже хотелось вернуться домой, завести семью и стать уважаемым гражданином своего города.

Хан Хубилай лишь после долгих колебаний уступил просьбе венецианцев, но принцесса Сарнай со своей стороны всячески отравляла отцу жизнь, и в конце концов он приказал снарядить флот из четырнадцати четырехмачтовых кораблей и снабдить экипаж запасами на два года. На некоторых судах помещалось до двухсот пятидесяти человек. Маффео, Никколо и Марко Поло возглавили экспедицию.

Лишь через три года в городе Ормузе закончилось их многотрудное и полное приключений плавание. Монгольская принцесса наконец добралась до границы Персии. Ко времени ее прибытия хан Аргун успел уже умереть, и в персидском царстве начались междоусобные войны. Марко Поло, его отец и дядя Маффео были в растерянности, и в конце концов Марко как благородный человек предложил принцессе отправиться с ними в Венецию. Сарнай улыбнулась и нежно провела рукой по его волосам.

– Не тревожся обо мне, – сказала она. – У меня есть, что предложить Гасану, сыну Аргуна, в обмен на гостеприимство.

– О да, ты прекрасна, как цветок на рассвете! – воскликнул купец, мысленно перекрестившись – восточная женщина могла стать для него порядочной обузой.

Сарнай расхохоталась.

– Ты наивен, хоть и купец! Ни один мужчина, тем более хан, не станет думать о таких пустяках, как женская красота, особенно во время смуты и войны! Но ты помог мне... и скрасил долгий путь своей лаской... Я покажу тебе... – она легко вскочила с ложа и выудила из-под многочисленных (и довольно засаленных после трехлетнего путешествия) подушек маленький ящичек темного дерева. Села на колени к мужчине и, открыв ящичек, сунула ему под нос. На бледном шелке переливался темным огнем драгоценный камень.

Марко смотрел на рубин, широко распахнув глаза. О да, ему ли, венецианцу, купцу и путешественнику, не понимать в камнях! Это сокровище, настоящее сокровище. Весь камень был гладкий, словно его никогда не касались руки человека, не гранили, не шлифовали. Будто он и родился таким – капля застывшей жидкости. Вина... нет, в вине не может быть этой густоты и вязкости. Это кровь, застывшая кровь. Купец смотрел на камень, и у него кружилась голова. Ему казалось, что изнутри кто-то взывает к нему, словно оттуда поднимается беззвучный крик, крик ужаса и боли... А в ушах звучал голос принцессы:

– Это «Ярость богов» – камень воинов. Он принадлежал моему прадеду, Чингисхану. Я украла его у отца. Отец уже стар, и найдется, кому занять его трон. А я стану женой Гасана, ибо за обладание «Яростью богов» он заплатит любую цену.

Ящичек захлопнулся, и Марко пришел в себя. Он долго упрашивал Сарнай, и в конце концов она разрешила взглянуть на камень Маффео и Никколо. Те также были ошеломлены цве-

том и силой камня, хоть и не могли заглянуть в него так, как довелось Марко. Через несколько дней венецианцы отдали монгольскую принцессу под покровительство сына Аргуна, Гасана, который как раз в это время вел борьбу со своим дядей, братом Аргуна, пытавшимся захватить освободившийся престол. В 1295 году соперник Гасана был задушен, и Гасан стал персидским ханом. А Сарнай стала его женой.

Марко Поло вместе с отцом и дядей поспешил в свое отечество. Путь их лежал на Трапезунд, Константинополь и Негропонт (Халкиду), где они сели на корабль и отплыли в Венецию. Позже, уже на склоне лет, distinguished венецианский купец Марко Поло рассказал про это и многие другие свои приключения в «Книге о разнообразии мира».

Учеба в России продолжалось восемь лет. После девятого класса старая Мириам написала внучке, что та может приехать погостить во время каникул с подружкой. Мири взяла с собой Даниэлу. Сначала они втроем совершили небольшой шопинг в Италии, а потом перебрались на роскошную виллу, расположенную на побережье Греции.

Мири, будучи девочкой умненькой, всегда оставляла школьные манеры и выражения за порогом бабушкиного дома, но в этот раз она была не одна, а с подружкой, и потому ей пришлось покрутиться, чтобы, с одной стороны, не выглядеть в глазах Даниэлы пай-внучкой, а с другой – не спалиться, ляпнув что-нибудь при бабушке. Вроде бы все прошло хорошо, савта Мириам выглядела довольной и через две недели отправила девочек в Париж – к Соне, матери Мири.

Подружкам и в голову не могло прийти, что пока они валялись на солнечном берегу Эгейского моря, бабушка самым тщательным образом обыскала их комнаты. Она нашла сигареты, косметику, яркое и смелое белье. Мастерски вскрыв запароленные файлы, старая Мириам прочитала переписку подружек с одноклассниками.

В принципе, она и в самом деле осталась довольна: у ее внучки хватало мозгов и здравого смысла не нюхать кокаин и не пить больше одного коктейля. Однако остальные, судя по всему, не отказывали себе в этих и многих других радостях. Бабушка решила не искушать судьбу, и осенью Мири в школу не вернулась. Ее определили в колледж в Париже, а через год она поступила в Сорбонну.

После лекций Мири шла к дяде Давиду в мастерскую, где постигала премудрости обработки, огранки и оценки камней. Заканчивала она образование в Амстердаме и вот теперь считалась одним из самых высококлассных, а потому и самых высокооплачиваемых специалистов среди геммологов.

Окончательно замерзнув и ничего больше не купив, Мири отправилась в небольшой отель, расположенный в старой части Лишема. Номер она заказала заранее и теперь собиралась полноценно отогреться и отдохнуть. Мири налила ванную и с удовольствием забралась в горячую пенную воду. Закрыла глаза и стала думать о ширме. Хорошо бы удалось спасти шелк... Но качественно очистить ткань можно будет, только если удастся разобрать деревянные рамы. Ширма покрыта лаком в несколько слоев, так плотно, что она даже не сумела определить породу дерева. Жаль, что больше ничего стоящего сегодня не попало, и все же день оставил о себе приятные воспоминания: небольшой мороз, запах кофе и теплых булочек над рынком, голые ветви деревьев, неподвижно застывшие на фоне бессолнечного, но странным образом высокого и прозрачного неба...

«Интересно, какая погода в Москве», – лениво гадала Мири. Декабрь – время сложное: грязь, пробки, то мороз, то слякоть. Не угадать. Но работа есть работа, а в следующие полгода у нее есть несколько важных заказов именно в Москве. Впрочем, нужно будет вырваться на Рождество к бабушке, хотя бы на два дня. Собственно, бабушка по происхождению и воспитанию – иудейка, но ее первый муж был верующим евреем, второй – американцем смешанных

кровей, а третий – австрийцем. Старая Мириам давным-давно решила для себя, что Господь будет судить своих чад по делам и намерениям, а не руководствуясь ритуалами и прочими вторичными вещами. И потому она с чистой совестью ставила елку на Рождество и поздравляла тех родственников, которые его праздновали. Зимой савта Мириам предпочитала проводить на юге Франции, а лето – в тихой и благоустроенной Австрии, на берегу одного из красивейших горных озер. «Сейчас во Франции должно быть довольно тепло», – думала Мири... Они с бабушкой наговорятся всласть, но вначале нужно позаботиться о подарке.

И тут Мири охватили сомнения. «А что, если я не сумею отреставрировать ширму? Или она окажется всего лишь подделкой? Да и сколько времени займет работа?». До Рождества всего три недели, а она не такой уж большой специалист. Без Сержа не обойтись. Мастерская у него супер, да и сам он лучший реставратор в Москве... ну, то есть Мири считает его лучшим. Среди искусствоведов есть много таких, что при упоминании имени Сержа крутят пальцем у виска и поджимают губы, ну да что нам искусствоведы! Мири протянула руку и взяла мобильник. Самое главное, когда забираешься в ванную, не забыть телефон в комнате. Потому что если он зазвонит, то придется, скрипя зубами, слушать трели и гадать кто же это, либо бежать на зов, капая водой и мыльной пеной на пол и замерзая от извечных английских сквозняков.

– Серж, привет! Можно я завтра вечером приеду? Мне нужна твоя помощь... Ты зайчик! Что тебе привезти? Завтра утром буду в Лондоне. Как это произносится? А по буквам? Ой, сбрось это мне е-мейлом, ладно?

Мири чуть не уснула в ванной, но все же усилием воли заставила себя покинуть теплую воду и перебраться в спальню. Она уселась на кровать и некоторое время безуспешно уговаривала себя одеться, чтобы сходить куда-нибудь и поужинать. С одной стороны, есть хочется, но с другой – ужасно лень шевелиться, и нет никакого желания выходить на холод. Хорошо, что в номере (как в большинстве английских отелей) имелся чайный набор: электрочайник, посуда, солидный ассортимент пакетиков с чаем, кофе и несколькими сортами сахара. Нашлась также шоколадка и пачка печенья. Мири напилась чаю с печеньем и улеглась в кровать. Свернувшись калачиком, девушка добрым словом вспомнила хозяев гостиницы: матрас оказался удобным, подушка толстенькой и мягкой, одеяло теплым, а от белья едва уловимо пахло лавандой.

На следующий день Мири добралась до Лондона и отправилась в район Кемдена забрать заказанные Сержем краски и лаки. Она не первый раз покупала для него всякие профессиональные штучки и потому заранее переслала заказ продавцу по Интернету. Вот и знакомый магазин – помесь лаборатории и склада. Ее уже ждала аккуратно упакованная коробка, проштампованная и с приложенным перечнем содержимого, чтобы не было проблем на таможне. Увидев счет, Мири вздернула брови и внимательно взглянула на хозяина магазинчика. Но Али, высокий, худой пакистанец, прижал к груди смуглые руки с изящными пальцами, и, глядя на девушку бездонными глазами восточного бога, принялся клясться, что все точно по прейскуранту. Ведь мисс не первый раз покупает у него, и разве он хоть когда-нибудь обманывал? А качество? Да такого качества во всем Лондоне не сыщешь! Мири, не разводя сурово нахмуренных бровей, потребовала копию счета и пообещала, что лично сверит содержимое коробки с прайсом на сайте, да еще посмотрит, как выглядят цены у других продавцов. Пакистанец страдал: он закатывал глаза и блеснул белыми зубами, его руки взлетали, словно он дирижировал оркестром. Зачем мисс так несправедлива к нему? Он – самый лучший, самый честный, самый-самый... Он тоже пишет картины и если мисс найдет время взглянуть... Нет? Хорошо, возможно, в следующий раз.

В Москве второй день мела метель. Зима, как всегда, оказалась странно неожиданной и мало предсказуемой. Она подкралась татем и ударила морозом, совершенно позабыв о снеге, и все вокруг превратилось в серый холод. Холодными и серыми были земля, дома, деревья и настроение большинства прохожих.

Затем наступила оттепель, и пошел дождь, потом снег, а потом снова дождь; и так продолжалось до тех пор, пока дороги и тротуары не превратились в нечто непотребное. Доблестные коммунальные службы вели неравный бой с непогодой, и по телевизору регулярно показывали чиновников из мэрии, которые всячески стремились выглядеть строго и мужественно, что не просто, когда у тебя два подбородка и ты давно не ступал ногой на тот самый тротуар, о котором так убедительно рассуждаешь.

Бой с грязью и лужами все еще шел, но тут опять ударили заморозки и началась метель. Город превратился в несусветное и фантазмагорическое место. Больше всего происходящее напоминало съемки какого-нибудь фильма-катастрофы. Ну вы же наверняка видели такое американское кино: люди бегут из города, чтобы спастись от вулкана, эпидемии, землетрясения, бешеных тараканов. На шоссе выстраиваются длинные пробки, и в конце концов кто-то не выдерживает, бросает машину и бредет дальше пешком. Вот и в Москве некоторые водители бросали свои авто – порой весьма шикарные лексусы или мерседесы – и пытались добраться до места важной встречи своим ходом.

Очень забавно бывает видеть таких бедолаг в метро. Опаздывая на важную встречу или на свидание к капризной женщине, они рискуют спуститься в душный зев подземки. Сначала мыкаются подле автоматов, не зная, что делать с тем картонным квадратиком, что им дали в кассе. В памяти всплывают отрывочные и безнадежно устаревшие сведения о том, что билетик нужно куда-то засунуть или хотя бы прокомпостировать. Потом они долго стоят у схемы метрополитена, пытаясь сообразить, куда, черт возьми, делась Площадь Свердлова? Один экземпляр из тех, что помоложе, и про Площадь Свердлова и Кировскую вообще ничего не знал, ужасно возмущался, что на схеме метро нет названий улиц.

– Ну и как я узнаю, куда ехать?

Те, кто остался верен своим машинкам, старались скрасить время как могли. Они слушали радио, участвовали в глупых викторинах и писали смс-ки с сообщениями о том, как и где они стоят. Они флиртовали с водителями и пассажирами соседних машин. Читали электронные книги, писали квартальные отчеты на ноутбуках. Время от времени кто-то распахивал дверь и отбегал к бортику справить нужду. А что делать? Пусть лучше лопнет моя совесть, как говорится.

На второй день город опустел. Люди с утра смотрели в окно и либо ехали на работу на транспорте, либо вообще оставались дома – улицы застилала сплошная белая пелена. Теперь снег не сыпал злой крупой, как вчера, но валил крупными хлопьями, дворы наполнились сугробами, и вот уже только по габаритам можно было отличить «мерседес» от какой-нибудь «пятерки».

Взрослые ругались, переживали и расстраивались, потому что им трудно стало добираться до работы и магазинов. А дети тихо радовались, так как твердо знали – скоро они смогут кататься с горок и падать в пушистые сугробы.

К обеду снег вдруг прекратился и город не узнал сам себя: он был чист и бел. Тянет добавить – и тих. Но это неправда. В городе никогда не бывает тихо: гул моторов, шорох шин, музыка и гомон людей поднимаются и опадают волнами, усиливаясь с утра и ослабевая ночью, но не замолкая ни на минуту. Даже если ночью вы забредете в старые и уже не слишком жилые улочки или в какой-нибудь двор в спальном районе, и в пределах видимости не будет ни одного источника шума – просто прислушайтесь. Все равно вы уловите звук: гул и шорох, гудок или скрип – это дышит и ворочается город.

Пока самолет нес Мири из относительно теплой Европы в московское царство льда и снега, ей приснился странный и тяжкий сон. Услышанные когда-то давно легенды и дремлющие в памяти яркие образы сплелись в неприятно реальную историю, затянув Мири в темный омут прошлого, где

...кони шли шагом. Влад мерно покачивался в седле, прикрыв глаза и думая о своем. Бояре, ехавшие чуть сзади, не осмеливались даже переговариваться, с опаской поглядывая на молодого господаря. Хотя какой он, к бесу, господарь! Кукла, присланная турецким султаном, чтобы занять трон Валахии. Его отец был сильным правителем и таким же обещал стать его старший брат – Мирчи, названный в честь деда... Султан опасался господаря Влада и двое его младших сыновей были взяты заложниками, чтобы гарантировать примерное поведение валаишского господаря... ибо донесли султану, что господарь Влад вступил в орден Дракона, созданный императором Сигизмундом и кровью своей клялся бороться с турками и сделать родину и народ свой свободным от владычества нехристей. Он и подписывать документы потом стал как Влад Дракон, Дракул на старо-румынском, что, может, было и гордо, но не совсем мудро, ибо турецкий султан не замедлил принять ответные меры. Подкупленные им бояре убили господаря и его старшего сына, потому что султан не хотел видеть Валахию независимой и сильной. И теперь на трон сядет Влад Третий, и кто знает, чего можно ожидать от мальчишки, выросшего вдали от дома.

Его увезли из Валахии, когда ему едва исполнилось двенадцать, а теперь ему семнадцать и он совсем не похож на отца. Худой, даже тщедушный, с острым носом и желтоватым, неподвижным лицом, подросток не понравился боярам. Он всю дорогу молчал, открывал рот, только чтобы сказать: хочу пить, хочу есть. Ни разу не улыбнулся, но любому делалось не по себе, если молодой господарь смотрел на него своим внимательным и странно пристальным взглядом.

Владу было холодно. Он кутался в подбитую мехом куртку и с удовольствием накинул бы еще и плащ, но не хотелось вызвать насмешки бояр. Они все ехали, расстегнув ворота, не замечая, что иней лежит на траве и изо рта паром вылетает дыхание. Как же холодно... Или это от страха? Бывало с ним такое, еще с детских лет. Если мальчик чего-то сильно пугался, то впадал в ступор, и не было сил пошевелить ни рукой, ни ногой. Впрочем, он больше не ребенок. Его детство кончилось в двенадцать лет, когда отец отправил его заложником к туркам. Хотя, впрочем, что это было за детство? Мрачный и холодный замок. Бесконечные упражнения с мечом. Этого не ешь, не пей даже воды, не дав вначале собаке попробовать, ибо тебя могут отравить. Никогда не садись спиной к окну – оттуда может прилететь стрела. Не верь никому. Никому и никогда. Влад не знал, чему другие люди учат своих детей, но его учили именно этому. Отец готовил его к войне, войне длиною в жизнь, ибо такова была судьба валаишских господарей.

Влад вспомнил, как отец взял его с собой на посвящение в рыцари ордена Дракона. Ему было тогда пять лет, но так сильно увиденное повлияло на мальчика, что он сохранил в памяти зал в старинном замке, освещенный факелами. Много факелов горело на стенах, но потолок уходил вверх так высоко, что тьма все равно висела над головами. И где-то там, наверху, словно духи или драконы, шевелились и хлопали крыльями ночные птицы. Рыцари стояли вокруг грубого каменного алтаря. Там был крест, священная книга, чаша. Мальчик не слушал торжественных речей и клятв, он просто с любопытством разглядывал все, что видел вокруг: богато украшенное оружие князей, их решительные, суровые лица, факелы, алтарь; кое-где на стенах висели гобелены и оружие или головы убитых на охоте животных.

Все говорили по очереди, а когда пришел черед отца, он сделал шаг вперед, вынул нож и рассек ладонь. Кровь пролилась в чашу.

– Кровью своей клянусь служить делу Ордена, – сказал отец. Откуда-то выскочил слуга и подал платок. Отец обмотал руку, а затем подхватил на руки сына.

– И кровью своей клянется мой сын и наследник, – продолжал он.

– Он слишком мал, – подал голос кто-то из князей.

– Это неважно! Он господарь по праву рождения и ему не миновать воссесть на трон Валахии. Он будет великим правителем, так было предсказано.

*Одной рукой держа сына, князь достал нож и шепнул мальчику:
– Вытяни ладонь и молчи.*

Влад повиновался. Он молчал, когда отец разрезал кожу на руке, молчал, когда в чашу упали капли крови. Потом ему перевязали руку платком, как и отцу. Потом господарь Влад вместе с другими князьями отправился пировать и строить планы борьбы с турками, а мальчика отвели в спальню. Он и тогда не плакал. Рука разболелась, и он сидел, покачиваясь у очага. Пришла собака – одна из гончих, в изобилии бродивших по замку. Собак Влад любил и никогда не боялся. Собака обнюхала мальчика, лизнула в щеку. Он размотал платок и заскулил, потому что ткань присохла к ране, и стало еще больнее, и опять выступила кровь. Пес вылизал рану, и мальчик постепенно успокоился и заснул, свернувшись калачиком на полу подле теплого собачьего бока. Молчание стало его криком, и лишь через три дня он заговорил снова. Впрочем, отец, занятый своими делами, этого даже не заметил.

Но не за это Влад возненавидел его. Ненависть к отцу и старшему брату родилась в его душе уже там, в турецком плену. Султан принял его и Раду, младшего брата, в своих роскошных покоях. Раду даже бояться перестал – так поразило его увиденное. Столько золота, таких роскошных одежд и украшений они не видели никогда. Глаза разбегались от чудес. Сам дворец: белый, словно платок, расшитый узорами. А внутри – каменная вязь резьбы на стенах, стеклянные высокие окна, позолота и парча. А вот клетка и в ней – дикие птицы с длинными хвостами.

Султан восседал на золотом троне, сзади стояли черные рабы с опахалами. Все вокруг переливалось многоцветием, и маленький Раду даже забыл бояться. Крутил головой, разинув рот, словно смерд какой-нибудь.

Влад не смотрел по сторонам. Он шел, гордо выпрямив спину, сжав губы. Он помнил что он – Дракула, сын Драко, Дракона.

Султан взглянул на своих пленников: его черные, как маслины, глаза заблестели при виде белолицых мальчишек.

Он что-то сказал почтительно склонившемуся к нему евнуху и тот поспешил прочь, приказав мальчикам идти следом.

Их покои походили на сказочный рай, полный слуг, шелков, цветов, невиданных фруктов и благовоний. Здесь били фонтаны и пели птицы. И здесь же был их собственный ад, из которого было не выбраться и не сбежать. И вот тогда пришла ненависть: к туркам, к отцу, к брату.

После того как султан, натешившись, уходил, а евнухи смазывали истерзанное тело мальчика целебными мазями, он лежал и придумывал, как именно он накажет своих мучителей.

А еще он украл рубин султана. Этот камень назывался «Ярость богов» и по легенде, именно он привел султана к его нынешнему владычеству.

Султан оправил его в золото, но носить не любил. Он украшал камнями и драгоценностями тела своих наложников, живых игрушек. Рубин всегда притягивал взгляд Влада. Он смотрел в его глубину, и тогда его боль становилась чьей-то чуждой и причиняла уже не страдания, а удовольствие. И в тот, последний раз, когда султан, удовлетворив похоть, оставил свою жертву, мальчик схватил оправу, тяжелым подсвечником смял мягкое золото и сунул камень в рот. Оправу он засунул в самый дальний угол, под низкую кровать. Колени дрожали, за дверью послышались шаги, и Влад ждал, что сейчас войдет евнух, но на пороге появился султан. От ужаса Влад позабыл, что во рту у него камень, и непроизвольно сделал глотательное движение. Рубин холодной твердостью скользнул в горло, и у мальчика перехватило дыхание. Увидев его расширенные глаза и враз побелевшие губы, султан рассмеялся.

– Ты решил, что я хочу еще раз приласкать тебя напоследок? О нет... ты становишься слишком взрослым. Я хотел порадовать тебя: через три дня ты отправляешься домой, чтобы стать господарем Валахии. А твой брат останется пока здесь, со мной.

Все три дня до отъезда Влад провел в ожидании того, что кто-нибудь хватится камня или найдут оправу. И тогда его просто выпотрошат, как цыпленка, никто не станет церемониться. Ножом или секирой вспорют живот, и один из палачей погрузит руку в горячее кровавое месиво и достанет камень. И рубин будет сверкать еще ярче, напивавшийся его страхом и его болью... Но ему повезло – султан пока не нашел себе нового мальчика, которого ему захотелось бы украсить самыми лучшими драгоценностями. Рубин жил внутри, и иной раз Влад чувствовал в животе жар. И тогда мысли его делались страшными и тяжелыми, и все вокруг подергивалось кровавой пеленой, словно он смотрел на мир сквозь камень. Мальчик знал, что рано или поздно камень выйдет или сам или надо будет выпить масла... Но лучше с этим не спешить.

И вот теперь он едет в замок своего отца. Влад не обманывался, он понимал, что никто не даст ему сейчас реальную власть. Глупый семнадцатилетний юноша, он будет послушной игрушкой в руках ставленников султана. Но Влад Дракула не был глуп. Он знал, что сейчас его единственная задача – выжить. Не подставиться под нож, не выпить отравленного вина. Выжить, переждать, найти союзников. И вот тогда... тогда он напомним им о том, что он – Дракула, сын Дракона.

Мири устала и чувствовала себя разбитой. Она прилетела из Лондона, выдержала в аэропорту битву с таможеней за свою драгоценную ширму и набор инструментов, который любопытный таможенник увидел в ее сумке. Потом она пристроилась в очередь за билетами на поезд-экспресс, едва удержавшись от того, чтобы показать язык жадным и страхолюдным дядькам-частникам, которые лезли к пассажирам, заступали дорогу и бубнили как заклинание «такси, такси недорого». Потом Мири окинула взглядом свою телегу, где громоздились чемодан, ширма, сумка с книгами и подарками друзьям из дьюти-фри, и со вздохом переметнулась к стойке вызова такси. Нереально тащить это все в поезд, потом на перрон, потом еще куда-то.

Дюжий молчаливый дядька-таксист сложил ее вещи в багажник, но тщательно упакованную ширму Мири всю дорогу держала в руках. Она и в самолет умудрилась ее с собой пронести, проигнорировав недовольные взгляды соседей и стюардесс. Около ее дома дядька мастерски припарковал машину, вытащил чемодан и сумку, запер машину и, подхватив вещи, буркнул:

– Дорогу показывай.

Мири, обутая в тонкие кожаные сапожки на каблуках, засемила вперед, всего пару раз поскользнувшись на мостовой. Дядька шел следом. В лифте девушка не без опаски поглядывала на него и вдруг разглядела, что он моложе, чем показалось ей сначала. Быковат только, да нос явно ломаный и вид суровый – вот и кажется старше.

Он занес вещи в прихожую, и Мири расплатилась, добавив чаевых. Таксист кивнул, буркнул:

– Всего хорошего, – и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Она поймала себя на том, что с облегчением перевела дух. Какой-то он все же... пугающий. И тут девушка сообразила, что ей сегодня же надо будет везти ширму к Сержу. И на чем, спрашивается? Рывком распахнув дверь, она крикнула:

– Стойте!

Таксист твердой рукой придержал автоматические двери лифта и вопросительно оглянулся.

– Я... мне нужно ехать к другу и отвезти ширму. Тот сверток, с ним в метро не очень-то поездишь. Отвезете меня?

Он кивнул.

– Ой, вы пройдите, я сейчас, только сапоги переодену и сумку другую возьму... – зачистила девушка.

– Я буду в машине, – отозвался шофер, и автоматические двери сомкнулись перед носом у Мири. «Вот бука», – с досадой подумала она; метнулась в квартиру, на корню задавила желание выпить чаю, надела теплые сапоги и пуховичок, посмотрелась в зеркало, после чего торопливо схватила щетку и привела в порядок волосы: непослушные темные локоны разлохматились и сделали ее похожей на Медузу-горгону. Потом девушка схватила сумочку, проверила, на месте ли паспорт, деньги и остальное, вытащила из чемодана заранее приготовленный пакет для Сержа, опять обняла свою бесценную и тщательно упакованную в картон и пленку ширму, и выскочила за дверь. В такси она задремала, потому что в машине было тепло, а ширму шофер аккуратно пристроил на заднее сиденье.

Она очнулась, почувствовав, как водитель тронул ее за руку:

– Приехали, барышня.

Мири кивнула, улыбаясь ему сквозь сонные ресницы. Надо же как смешно: услышать «барышня» от московского водителя, да еще и нестарого – ему, наверное, и тридцати пяти-то нет. Он передал ей с рук на руки ширму, затем подхватил сумку и повел к подъезду.

Старый дом, в котором проживал Серж, снимавший квартиру у какого-то художника, ошетинился припаркованными машинами и бетонными бордюрчиками, и подъехать прямо к подъезду никакой возможности не было. Мири оглядела темный двор, сугробы, заснеженные машины и удивленно протянула:

– Тихо как-то и пусто.

– Полтретьего ночи, вот и пусто, – насмешливо отозвался водитель.

– Как – полтретьего? – она остановилась, дыша паром из полукруглых губ и недоумевая, как же могла так просчитаться. Ну да, разница во времени, да в аэропорту она прокопалась невесть сколько...

– Домой поедет? – с интересом спросил водитель.

– Нет-нет, идемте... Сержу все равно, который час.

Они поднялись на нужный этаж, и Мири не без тайной тревоги позвонила в дверь. Серж открыл быстро и был при полном параде – то есть в старых джинсах и заляпанной растворителями краской рубашке. Светлые волосы пострижены модным стилистом, с которым Серж нежно дружит, но сейчас они были растрепаны и торчали в нехудожественном беспорядке. Из квартиры ощутимо тянуло химией.

– Привет, – радостно сказал он. – Заходите. Привезла? Давай скорей, а то у меня времени нет, засохнет все к чертовой матери.

Водитель протянул ему сумку, и Сержик незамедлительно пропал где-то в недрах квартиры.

Мири предложила водителю кофе, и он, к ее удивлению, согласился. Они разделись в прихожей и прошли в кухню. Ширму Мири бережно пристроила у стеночки. Пока она шарилась по шкафам и холодильнику, таксист рассматривал увешанную рисунками и картинами стену просторного помещения. Кого и чего здесь только не было: люди, застывшие в разных, порой странных позах (натурщики Сержа терпеть не могли), искаженные страхом или печалью лица, сказочные и вполне земные животные, фантастические пейзажи, живописные руины.

– Ваш приятель – интересный художник, – заметил водитель.

– Вообще-то, Серж реставратор, – охотно отозвалась Мири. – но у него есть идея-фикс: написать некое полотно, которое станет делом его жизни. Вроде как «Явление Христа» Иванова. Это его любимый художник. И, следуя примеру великого русского живописца, Сержик пишет бесконечные эскизы.

Мири покосилась на стену, где эти самые эскизы висели чуть ли не сплошным слоем. Кажется, вон те два в левом углу – новые... и тот рисунок тушью. Она невольно загляделась на

силуэт, выписанный твердой рукой на белой бумаге. Должно быть, это грифон: тело льва и крылья, а голова – странная смесь человеческих и птичьих черт – показалась ей неприятной. Серж одержим идеей написать полотно, которое он условно называл «Явление зверя». Не просто картину, но именно эпическое полотно. По мнению реставратора, Бог людям уже не поможет. Он явился им, жил среди них, учил добру, кормил хлебами, творил чудеса... а они предали и распяли Его. Бог и тогда простил непутевых и долго пытался наставить своих подопечных на путь истинный. Но люди отвернулись от него, презрели Заповеди, создали себе массу золотых тельцов, а потому, рассуждал Серж, рано или поздно нас ждет предсказанное пришествие зверя. Сержу виделось огромное полотно, ужасающее своей апокалиптической реалистичностью, чтобы там был и зверь, и ужас, принесенный им, и раскаяние людей.

Серж уже несколько лет рисовал людей и животных, пейзажи и ландшафты, подбирая детали будущей картины, словно пытался сложить некий паззл. Он оказался, несомненно, талантливым художником, и порой знакомым удавалось уговорить его продать ту или иную вещь. Масло, карандаш, уголь, сепия – все уходило по весьма высоким ценам, хоть Мири и не понимала, кому хочется иметь перед глазами подобные творения. Вот хоть этот эскиз маслом, который висит в левом верхнем углу. Мири знала, что Сержу предлагали продать его, причем не единожды. На полотне поднималось из тумана полуразрушенное здание. На первый взгляд – ни дать ни взять руины замка. Но, всмотревшись, можно понять, что это современный небоскреб – развороченный, с кусками арматуры, торчащими, словно переломанные кости. Остов здания обвивали какие-то хищные растения с плотными, неприятно-лоснящимися листьями. Кое-где меж ними можно было разглядеть страшенькие рожицы – то ли зверьки, то ли злобные эльфы.

Главная проблема, не дававшая Сержу приступить к написанию полотна, состояла в том, что ему никак не давался образ зверя. Он перебрал уже всех реальных и фантастических чудовищ, придумал несколько новых разновидностей страшилищ, но ничто его не удовлетворяло. Порой Мири думала, что надо бы подарить приятелю Библию. Там ясно сказано, что самое страшное чудовище – человек. А бедняга Серж все пытается изобразить нечто с клыками и хвостом.

Шофер наклонился и поднял картонный лист, стоявший лицом к стене.

– Это, должно быть, совсем недавнее, – пробормотала Мири, с неприязнью разглядывая картину. Похоже, Серж все же увидел наконец своего зверя. На листе был изображен ярко-красный спорткар, вернее, верхняя его часть, и под странно-прозрачным капотом билось в механическом экстазе многоногое чудовище. А за рулем сидел мужчина лет тридцати пяти, с тонкими, даже красивыми чертами лица и аккуратной стрижкой. Рисунок выполнен был карандашом и, судя по затертости листа, Серж несколько раз переделывал глаза, но так и не смог добиться желаемого эффекта, и глаза мужчины за рулем лишены были зрачков и радужки – они были наполнены грифельно-серым туманом.

Некоторое время девушка и таксист молча разглядывали рисунок, затем Мири зябко передернула плечами, и водитель, словно почувствовав неловкость за самоуправство, аккуратно вернул картон на прежнее место, лицом к стене.

– Вам кофе или чай? – вежливо спросила Мири.

– Если у вас заправлена вон та машинка, – он кивнул в сторону кофеварки, – то кофе. Если растворимый, то лучше чайку.

Мири с сомнением уставилась на кофеварку.

– Ну, может и заправлена, но я что-то...

Мужчина подошел и пробежался пальцами по электронному табло. Кофеварка негромко и как-то приветливо загудела, и через некоторое время в подставленную чашечку полился темный и одуряюще пахнущий кофе.

– Меня зовут Виктором, – сказал вдруг шофер.

– Я меня – Мири, – отозвалась девушка.

– Это прозвище?

– Не совсем. Скорее сокращение. Меня называли Мириам, в честь бабушки. Я еврейка.

Виктор без видимого интереса окинул ее взглядом, коротко кивнул и попробовал кофе. На лице его мелькнуло что-то почти радостное. Девушка, отпивая чай, придвинула ему вазочку с печеньем и коробку конфет. Он выбрал одну конфету темного шоколада и, не спеша, запивал ее кофе. Потом отставил чашку, вынул из нагрудного кармана визитную карточку и протянул ее Мири.

– Здесь мой телефон. Если нужен шофер – звоните, я всегда подъеду.

Она поблагодарила, сунула визитку в сумку, достала деньги и рассчиталась с водителем, сочтя названную сумму вполне божеской. Попрошавшись, Виктор ушел. Мири сунула было нос в мастерскую, но там колдовал Серж, он злобно сверкнул на нее глазами, и она поспешно закрыла дверь. Допила чай и, подобрав ноги, устроилась на диване с книжкой.

– Вставай, соня, обедать будем! – голосил Серж, и чем-то призывно гремел у плиты.

Мира села на диване, захлопала глазами. Она чувствовала себя отдохнувшей... сколько же времени? Достала из кармана мобильник и посмотрела на часы. Ничего себе – почти два часа дня!

– Ты почему меня не разбудил? – набросилась она на Сержу.

Но тот лишь отмахнулся, выделил ей щедрый кусок запеканки из морковки и брокколи, и принялся с аппетитом уплетать свою порцию.

Мири вдруг поняла, что ужасно голодна. И правда – последний раз она ела черт знает когда, еще в Англии. В самолетах она никогда ничего не ела из чувства самосохранения, а потом просто не успела.

Приканчивая запеканку, она сказала голосом заправской подлизы:

– Сержик, я тебе привезла нужные вещи? Ничего не перепутала? Я хорошая девочка?

– Угу.

– А ты не мог бы мне помочь? Я тут ширмочку одну купила... поломанную, правда...

– Классная, кстати, ширмочка. Китай, восемнадцатый век. Но письмо точно датировать не берусь.

– Какое письмо?

– Ну, которое внутри.

Мири отложила вилку и уставилась на реставратора.

– Сержик, ты лаков своих надышался, что ли?

– О, так ты не знала? А я-то, дурак, думал, ты из-за этого ее и принесла, чтобы письмо достать.

– Нет, я купила ширму бабушке в подарок, но не знала, смогу ли очистить шелк...

– Нет, ты уж не лезь. Я уже начал ее лечить и теперь закончу все сам. Жаль, конечно, что она сломана, но с другой стороны, именно через разломанную поверхность стало возможным подобраться к шелку и достать то, что внутри. Идем, я покажу.

В мастерской Мира устремила было к разложенной на столе ширме, но Серж зарычал, и она испуганно остановилась. Он поманил ее в угол и показал блок из двух стекол. Меж ними зажат был кусок пергамента с неровным нижним краем, исписанный мелким почерком, явно пером.

Мири направила на пергамент свет и постаралась разобрать слова. Это была латынь, но с примесью старо-французского и еще какого-то диалекта.

– Если будешь работать здесь, иди в другую комнату. – велел Серж. – Я не могу, когда в мастерской народ толчется.

– Нет-нет, я домой. Это надо со словарем...

- Вот и ладненько, – обрадовался реставратор, – а то у меня работы полно.
- Сержик, а мне бы ширмочку к Рождеству, а? Это подарок бабушке.
- Ну, если бабушке, то я постараюсь.

- Мири, какого черта ты не звонишь? Я только от Сержа узнала, что ты в Москве!
- Да я тут закопалась, – пробормотала девушка. – А какой сегодня день?
- Ни фиги себе! – подружка на пару секунд зависла, потом быстро спросила:
- Ты там с мужиком, что ли?

– Если бы... Рукопись интересная попалась, вот и сижу, не разгибая спины, – сказала она, с трудом выпрямляясь. Кажется, действительно чересчур увлеклась. Спина болела, в висках стучали молоточки, а глаза жгло огнем. Мири еще раз спросила, который сегодня день и, услышав, что четверг, десятое декабря, поняла, что три дня провела над пергаментом. Правда, она немного спала урывками и один раз заказала пиццу, потому что в доме решительно нечего было есть.

– Мири, мы сегодня идем в клуб праздновать мой день рождения. И я тебя приглашаю, слышишь?

– Спасибо, Полечка!

– Давай, приходи обязательно, там народу будет полно, даже из нашего класса кое-кого позвала. Адрес и время на мыло тебе скинула. Все, мне пора, не вздумай откосить, не прошу!

Улыбаясь, Мири повесила трубку. Полечка в своем репертуаре: мать-командирша. Но, с другой стороны, почему бы и не сходить в клуб? Надо развеяться, отвлечься, проветриться... и только потом с новыми силами и ясной головой вернуться к совершенно невероятному тексту, который много-много лет таился-хранился в шелковом плену и вот теперь доверил ей свою тайну.

Итак, открываем ноутбук, где тут у нас почта? Она прочла приглашение и поняла, что времени на все про все мало. Тогда бегом: душ принять, голову и руки в порядок привести. А для этого придется ехать в салон. На вечеринку к Полине с доморощенным маникюром не пойдешь! Но прежде всего – прежде всего поесть, потому что урчание в животе заглушает все, включая голос разума. Может, в этот раз заказать суши?

И следующий, но еще более важный вопрос: что подарить? Проблема усугублялась тем, что ее одноклассница Полина принадлежала нынче к разряду людей, у которых есть буквально все.

Мири подошла к компьютеру, щелкнула мышкой на папку с надписью «Фото. Школа» и, улыбаясь, принялась рассматривать снимки себя, любимой, Полины и других ребят.

Школа, где учились девочки, была по документам вполне среднеобразовательной. Но находилась она в самом центре Москвы, в тихом переулочке среди старых особнячков и буйно цветущих по весне кустов сирени. И школа эта традиционно собирала в своих стенах детей иностранных специалистов, дипломатов и московской элиты. Плюс несколько человек по территориальной принадлежности. Их отбирали по результатам тестирований и собеседования из тех соображений, что «и учиться кто-то должен, результаты показывать».

Дисциплина здесь поддерживалась на должном уровне, но все же эксцессы случались и весьма нередко.

Оглядываясь назад уже после окончания учебы, Мири порой думала, что ей редкостно повезло. В их классе не оказалось полных отморозков, а к средней школе все ребята разбились на группы по интересам. Половина класса – мажоры – мечтала вырасти и ничего не делать. Вторая половина – ботаники – точно знала, чего хочет. Каждый «ботаник» имел цель в жизни: кто-то мечтал стать банкиром, кто-то – знаменитым яхтсменом, геммологом, певицей, нейрохирургом... Мажоры устраивали тусовки и вечеринки, на которые, впрочем, неизменно при-

глашались «ботаники», которые, в свою очередь, помогали ярким, но бестолковым тусовщикам с учебой.

Полечка совершенно сознательно записала себя в ботаники, потому что уже в пятом классе определилась с выбором профессии. В сочинении на тему «Кем ты хочешь стать?» полненькая девочка с неправильным прикусом и небольшим косоглазием написала «Я стану женой олигарха». И, надо отдать Полечке должное, она упорно шла к своей цели. Девочка считала, что жена олигарха – это профессия, требующая многих навыков. С двенадцати лет она села на диету и больше ни разу в жизни не съела ни одного мороженого. Она безропотно носила брекеты, занималась плаванием и иностранными языками, а затем танцами и верховой ездой. Попутно Полечка была круглой отличницей, окончила школу с золотой медалью, поступила в МГИМО.

Со своим мужем Артемом она познакомилась в Англии, куда ее отправили стажироваться на последнем курсе.

Артем делает деньги на недвижимости. Он уже миллионер и не собирается останавливаться на достигнутом. Кроме того, он активно занимается благотворительностью, вкладывает деньги в новые технологии, не связывается с политикой, содержит на стороне любовницу-мулатку и души не чает в жене и сыне.

На вечеринке в пафосном клубе собралось множество приятелей Артема и Полины – богатых и благополучных мужчин и женщин, а подобное общество всегда, как магнитом, притягивает к себе всяких звездочек, светских тусовщиков, охотников и охотниц за деньгами и знаменитостями.

У входа в клуб Мири с трудом протолкалась через толпу созданий обоих полов, сверкавшую стразами, бриллиантами и зубами, и робко сказала охраннику:

– Я на день рождения, но приглашения нет, потому что Полина...

Однако тот бросил лишь один взгляд на стоявший в углу монитор и распахнул двери, ловко оттеснив двух девиц, пытавшихся просочиться следом за Мири.

Мири не удержалась и тоже посмотрела на монитор компьютера. Там, помимо списка гостей, теснились фотографии, и охрана по большей части узнавала приглашенных еще до предъявления приглашений.

Она нашла Полину и протянула красиво упакованную коробочку – подарок.

– Вот же ты ненормальная, – засмеялась та. – Никто уж давно ничего не дарит, только русские все никак не могут успокоиться и обязательно должны что-нибудь этакое придумать... Вон смотри, мне уже успели надарить... всякого.

Мири оглянулась. На возвышении, где положено находиться оркестру, громоздились корзины с цветами и коробки, перевязанные яркими лентами. А еще там стоял невероятного цвета бирюзовый унитаз с золотой отделкой. Неподалеку возвышался здоровенный сейф с распахнутой дверцей.

Веселящаяся и уже не очень трезвая компания с удовольствием фотографировалась сначала в сейфе, а потом на унитазе.

– Вот о чем человек думал? – поинтересовалась Полина. – Куда такого монстра деть? Идем, там поспокойнее, – и она потащила подружку в соседний зал, где за стоящими поодаль друг от друга столиками неспешно общались солидные гости; мужчины и женщины, не любящие терять время на праздные разговоры: кто-то подписывал счета, кто-то просматривал договора или вел переговоры.

Полина села за столик и распечатала принесенный Мири подарок. В бархатной коробочке лежал браслет: черные каучуковые шнурки разной толщины, а на них в художественном беспорядке нанизаны бусины – шарики и сердечки муранского стекла.

– Вау! – Полина крутила вещичку в пальцах. – Сама делала?

– Да. Золотом тебя не удивишь, но я подумала, что венецианское стекло тебе понравится.

– Ты молодец, спасибо, – Полина погладила подругу по руке. – Сейчас надеть не смогу, – она качнула головой и в ушах заискрились бриллиантовые серьги. В том же стиле был выполнен браслет, украшавший изящное запястье Полины. – Но я уже знаю, что эта вещь станет моей любимой. Помнишь, как здорово было тогда в Венеции?

Мири кивнула. Еще бы не помнить! Ее уже забрали из московской школы, но наступило лето, и Мири выпросила себе небольшие каникулы. Списалась с подружками и три из них встретились в Италии. Пока мамочки Полины и Таты шопинговали в Милане, девчонки сбежали в Венецию. Город был хорош нереальной, сказочной красотой. Как чудесно бродить по улочкам, глядя на разморенных туристов, пересмеиваться с гондольерами, ждать на остановках, пока придет автобус. Только вот вместо автобусов тут кораблики и это казалось нереально смешно и здорово.

В каждой лавчонке продавались изделия из стекла. Мири буквально влюбилась в чудо, созданное мастерами с островка Мурано. До того дня она любила только драгоценные камни, самоцветы, которые миллионы лет вызревали в толще земли. Каждый такой камень вбирал в себя часть памяти планеты, он был как крепкий благородный напиток: выдержанным. И закаленным, как лучшая сталь. Его хрупкую и одновременно прочную кристаллическую решетку ковали запредельной величины температуры и давления. И камни становились своего рода сгустками силы Земли, частичками ее прошлого.

А стекло рождается здесь и сейчас, в настоящем. Его создают люди; смуглые мужчины, которые в перерывах отдыхают, сидя в голубоватой тени и жмурясь на солнце. Они пьют вино, думают о женщинах и ласкают взглядом привычные им, но оттого не менее сказочные пейзажи, подернутые легкой дымкой, как на картинах старых итальянских мастеров.

И стекло, как молодое вино, впитывает в себя солнечный свет, блики на воде каналов и изысканность фресок собора Сан-Марко...

Пару минут подружки счастливо хихикали, вспоминая ту поездку, потом Полечка поднялась:

– Прости, Мири, долг хозяйки. Придется блистать и очаровывать гостей. Но знаешь, через три недели Артем уезжает на конференцию в Штаты, потом в Сингапур, потом еще куда-то. А я поеду на озера в Канаду, помнишь, я тебе фотки нового дома посылала? Мы его наконец закончили. Приезжай, а? Мы с тобой отоспимся, покатаемся на лошадях, на лыжах... у Зорьки жеребенок родился, такой смешной...

Мири пообещала непременно вырваться на недельку, и хозяйка поспешила к гостям.

В целом вечер прошел неплохо. Мири не слишком любила пафосные мероприятия, но забавно было наблюдать повадки и ужимки местной богемной публики. Она потанцевала, потом углядела в толпе еще одного школьного приятеля, и они принялись болтать.

У бара меж тем состыковались два наимоднейших молодых человека. Их тела были отполированы долгими и вдумчивыми тренировками, волосы искусно растрепаны, зубы поражали голливудским блеском, и блеск этот кое-кому мешал заметить отсутствие у молодых людей принципов и интеллекта.

– Слышь, тебе чего, девчонка не нравится? – спросил блондин шатена, который незадолго до этого танцевал с Мири.

– Не, девчонка хороша, но вот врачей я не люблю. Все мне кажется, что они, когда смотрят, то диспансеризацию проводят.

– Эй, да ты пьян или обдолбанный? При чем здесь врачи?

– А она кто, по-твоему? Докторша!

– Это кто тебе сказал?

– Да она сама и сказала.

– Придурок, она ювелир.

– Не, она сказала – гематолог.

– Геммолог, кретин.

– А я что говорю?

– Это не врач, а ювелир, специалист по драгоценным камням.

– По камням, говоришь? – шатен несколько оживился и решил, что хоть девица угловатостью и темными длинными волосами несколько похожа то ли на ведьму, то ли на ворону, но со счетов ее скидывать так сразу не годится.

Почувствовав, что на нее смотрят, Мири оглянулась. Она скользила взглядом по толпе, отыскивая того, чьи глаза только что буравили ее затылок. На секунду ей показалось, что в толпе мелькнуло знакомое лицо. Нет, незнакомое, но она его видела недавно... тонкие черты лица, аккуратная стрижка, большой чувственный рот... нет, я его точно не знаю... наверное, заметила на какой-нибудь картинке в журнале. Тут полно всяких актеров, певцов и прочих.

Она отвернулась, а когда вспомнила, где видела этого мужчину, то было поздно – человек пропал. Уехал на своем красном спорткаре, подумала Мири, и ей стало жутко.

Но как девушка здравомыслящая, она тут же убедила себя, что все выдумала, и тот красивый коктейль с зонтиком и вишенками точно был крепковат. Надо потанцевать, чтобы хмель вышел.

Вечеринка затянулась, а потом Мири вдруг задумалась: как я поеду домой? Можно попросить администратора клуба вызвать такси, но... ей опять показалось, что спину буравит тяжелый взгляд, и она вдруг решилась: вытащила из сумочки визитку и набрала номер.

– Виктор? Вы не могли бы подъехать к клубу «Жара» и отвезти меня домой? Да, спасибо, я жду.

Почему-то ей стало намного спокойнее, когда на ступенях у ярко освещенного входа в клуб она увидела мощную фигуру в короткой кожаной куртке. Он распахнул для нее дверцу и, сев за руль, коротко спросил:

– Домой?

– Да. – Боже, как же это уютно звучит: «домой»!

Паспорт ее свидетельствовал о французском гражданстве, но она с одинаковым совершенством владела несколькими языками, никогда не молилась никаким богам, а жила то в Москве, то в Лондоне. Но, выросшая в России, Мири никак не могла расстаться с привычкой считать Москву родным домом.

Юго-запад – не самый плохой район Москвы. Мири купила здесь квартиру давно и почему-то решила на старый фонд. В ее квартире были трехметровые потолки, просторная ванная и кухня, а также одна большая и светлая комната. Вторая комната вытянутой формой напоминала пенал и была темновата. Мири использовала ее исключительно как гардеробную.

Вторую квартиру она купила в Лондоне всего пару лет назад. Надоело останавливаться в бесконечных гостиницах, а расположение Альбиона на полдороге между Новым и Старым Светом делало Лондон идеальным местом жительства для человека, который бесконечно куда-то едет.

Северная часть Лондона рядом с Риджентс-парком оказалась довольно тихим и престижным районом. Метражом и кубатурой квартира разительно отличалась от московской. Совмещенный санузел размеры имел спартанские, ни о какой ванной не могло быть и речи – только душевая кабинка. Мири заплатила некоторую сумму за разрешение снести внутренние перегородки и получилась вполне приличная студия. Последний этаж давал ей право на крохотный балкончик: стул и столик, больше ничего туда не поместилось. Но если подняться по пожарной лестнице, то можно попасть на соседнюю крышу. Здесь жильцы устроили садик, наполнив его растениями и цветами в кадках и ящиках. Железные лестницы приводили в него соседей снизу и сверху, из нескольких разных домов. Здорово было сидеть рядом с приятными людьми, пить кофе или вино и смотреть на город, на небо и на зелень парка.

«Как странно», – думала Мири, лежа на кровати и глядя на стол, где лежало письмо из прошлого, заключенное Сержем в прозрачный стеклянный конверт. Первое, что бросилось в глаза, когда Мири взглянула на текст, это имя: Жан Батист Тавернье. Она три дня трудилась как каторжная, вспоминая все, чему ее учили на уроках латыни, замучила свою кузину – филолога, жившую в Париже, бесконечными е-мейлами, но все же не могла поверить, что прочла письмо правильно.

Конечно, она слышала о Жане Батисте Тавернье; любой ювелир знает о человеке, который привез в Европу и продал Людовику XIV голубой бриллиант, который мы сегодня знаем как «Хоуп», по имени одного из владельцев, английского банкира. Камень был прекрасен, но не принес счастья своим владельцам.

«Хоуп» переводится с английского как Надежда, но его история может лишь подчеркнуть несоответствие внутреннего содержания и имени, присвоенного несведущими людьми.

История алмаза необычного синего цвета (такие бриллианты встречаются очень редко) начинается в Индии. Жан Батист Тавернье рассказывал, что с риском для жизни заполучил его в храме индуистского бога Рамы и то был левый глаз бога, который считался карающим. Впрочем, это всего лишь красивая легенда. Действительность выглядела куда прозаичнее, а потому не годилась для начала долгой и кровавой истории. На самом деле Тавернье приобрел алмаз на шахте Коллур в Индии. Первая огранка открыла его необычный цвет, и весил он тогда около 112 каратов. Тавернье привез камень в Европу, где преподнес его Людовику XIV. (Вернее, продал за немалую сумму в три миллиона ливров.) «Король-солнце» был так очарован новой драгоценностью, что даже присвоил своему подданному дворянское звание. Он приказал заново огранить камень, и вес его сократился до 67 каратов. А дальше и начались злключения, которые некоторые люди склонны рассматривать как мистические. Мири всегда считала, что история камня лишь отражала характеры людей и времен.

По приказу Людовика XIV бриллиант был огранен в форме сердца весом 45,5 карата и подарен фаворитке дю Барри.

Фаворитка короля вскоре впала в немилость, и алмаз вернулся к Людовику XIV. Однажды, танцуя на балу, «король-солнце» наступил на ржавый гвоздь и умер от гангрены. После его смерти бриллиант перешел к Марии-Антуанетте. Красивый алмаз заинтересовал принцессу Ламбаль, и королева позволила ей поносить изысканный камень. После того как бриллиант вернулся к владелице, принцесса была убита. А через некоторое время обезглавили и Марию-Антуанетту.

Переходя из рук в руки и принося несчастье всем своим владельцам, камень был куплен ирландским банкиром и коллекционером Хоупом, в честь которого и получил свое имя. До этого он назывался «Синий Тавернье», «Французский голубой бриллиант» и даже в свое время был вставлен в Орден Золотого Руна. Купленный в 1830 году семейством Хоупа, в 1901 он был продан Генри Фрэнсисом Хоупом для погашения карточных долгов.

Купил алмаз султан Абдуль-Хамид II и через некоторое время потерял свою любимую супругу, попавшую в руки насильников и убийц. А позже и сам султан расстался с жизнью в изгнании. Следующим владельцем камня был русский князь, который подарил алмаз парижской танцовщице Ледю. Однако проклятие настигло и их: через некоторое время князь в порыве ревности застрелил свою любовницу, а сам пал жертвой покушения. Испанец, владевший в дальнейшем кровавым бриллиантом, утонул.

В конце концов «Хоуп» оказался у Эвелин Уолш Маклин – богатой дамы из Вашингтона. Ее муж спился и закончил свои дни в сумасшедшем доме, сын попал под машину в раннем детстве, а дочь покончила жизнь самоубийством, наглотавшись таблеток. И уже после смерти миссис Маклин, завещавшей свои драгоценности внукам, ее любимая внучка погибла в возрасте двадцати пяти лет.

Наследники продали камень торговцу драгоценностями Гарри Уинстону. Как ни странно, ничего плохого с ним не случилось. Возможно, он просто был здравомыслящим человеком, которому не ударило в голову его богатство. Одно время он выставлал алмаз на всеобщее обозрение, собирая деньги на благотворительные цели. Но затем Уинстон подарил его Смитсоновскому институту в Вашингтоне.

Мири перевернулась на другой бок и решила, что нет над бриллиантом никакого проклятия. Просто времена были такие, ну и люди, конечно, тоже. Жадность, интриги. В свое время она немало читала про Жана Батиста Тавернье и решила для себя, что этот человек ей нравится.

Тавернье был великим путешественником, несколько раз побывал в Индии (которая в те время была фактически недосыгаема для европейцев) и пользовался всеобщим уважением как человек исключительной честности. Как таковой он и пострадал: когда уже в преклонном возрасте ювелир возвращался с Востока, намереваясь уйти на покой, его обобрал собственный племянник. Старик хотел было вернуться в милую его сердцу Индию, но на дорогах было неспокойно. Он кинулся в Париж – там свирепствовала чума. И тогда неисповедимые пути занесли его в Московию, где он и умер, оставив в наследство приютившему его купеческому семейству несколько драгоценных камней.

И вот теперь перед Мири лежало письмо некоего Огюста Тавернье: сын того непорядочного племянника пересказывал в назидание детям историю о том, как разбогател его отец, и особо подчеркивал, что нескольких камней, принадлежавших дяде, тот так и не нашел. «Отец мой уверен был, что Тавернье владел рубином, который в легендах известен был как “Ярость богов”, а также изумрудом, названным “Ледяное сердце” за необычную форму и волшебные свойства. Кроме того, во владении мессира Жана-Батиста находились парные звездчатые сапфиры “Глаза Изиды” и необычной формы цилиндрический бриллиант, испещренный надписями древнего заклинания». Далее Огюст умолял детей еще раз самым тщательным образом обыскать поместье и дом, где останавливался мессир Тавернье в периоды своего пребывания на родине. Ибо камни нигде не появились, а значит, старик спрятал их так хорошо, что пока никто не смог найти его сокровища.

Ночь наполнилась обычными урбанистическими шумами, за окном дышал большой город, а Мири обняла подушку и стала мечтать о том, как отправится на Рождество к бабушке и привезет ей в подарок не только красивую ширму, но и старинный документ, и совершенно фантастическую историю о драгоценных камнях, которые так и покоятся где-то, надежно укрытые мессиром Тавернье.

Уже в полусне она вспомнила отрывок из старой книги, где рассказывались истории знаменитых драгоценностей. Там говорилось и о «Ярости богов». Этот камень нес с собой еще большие несчастья, чем алмаз «Хоуп». История обретения камня ювелиром Тавернье всегда казалась Мири фантастической... Что же там говорилось, в той книге?

– Раз уж теперь ты мой придворный ювелир, то изволь приняться за работу.

Наместник германского императора в Венгрии взирал на ювелира сверху вниз. Вообще-то, роста наместник был небольшого, но сейчас восседал на троне, украшенном шкурами, дабы подчеркнуть свое богатство и роскошь (и чтобы не так холодно было). Его светлые волосы поседел и спадали на плечи неаккуратными прядями, породистое лицо германского аристократа оплыло от сладкого венгерского вина и жирной пищи. А уж одежда! Для француза, прибывшего из Парижа, смешно было видеть такую простоту и отсутствие намека на моду. Но наместник был в Венгрии царь и бог, и Тавернье склонился в низком поклоне. Расцвел улыбкой и воскликнул:

– Почту за честь! Такое высокое доверие делает меня счастливым...

– Ох уж и сладкоречивы вы, французы, – буркнул наместник. – Потому вам никто никогда и не верит. Ступай.

И, отвернувшись от ювелира, он сосредоточился на делах более насущных: в южной провинции опять назревает бунт, а армии еще не плачено, и как-то быстро растворились деньги, выделенные на содержание лошадей...

Тавернье отвесил широкой спине наместника низкий поклон и все с той же улыбкой оборотился к придворному казначею. Ему пришлось сделать над собой значительное усилие, чтобы улыбка не пропала сразу, так не понравился ему местный казначей. Но француз умел владеть своими чувствами и лишь через несколько достойных секунд позволил себе принять выражение сосредоточенности и внимания, приличествующие важности полученного задания.

– Я к вашим услугам, господин казначей, – он опять поклонился. Не так низко как наместнику, само собой, но лестью отношения не испортить, а придворный казначей для придворного ювелира лицо первостатейной важности. Казначей лишь моргнул, на поклон не ответил, невежа, повернулся и пошел вперед, указывая путь. Тавернье шел следом, сохраняя на лице выражение сосредоточенности и важности предстоящей миссии. Но думал он о казначее и о том, что в этот раз ему не повезло. Вряд ли удастся наладить хоть какие-то отношения с этим человеком. Да что там отношения! Этим истуканом можно детей пугать. Такое впечатление, что произвела его на свет не земная женщина из плоти и крови, а вырос он из бледной плесени в углу какого-нибудь мрачного подвала, куда никогда не проникало солнце. Кожа казначея имела не розовый, а пепельный оттенок, бесцветные желтоватые волосы сосульками свисали вдоль неправдоподобно худого лица. Глаза водянистого цвета – то ли серые, то ли голубые – не разобрать. Вот как есть стылая водица в пруду. Тавернье поежился и плотнее завернулся в подбитый мехом плащ. Сыро тут и холодно. И куда же эта немощь бледная ведет его? Никак в подвал? Ох, спаси нас, дева Мария, страх какой! И сам замок-то не слишком красив и приятен для жизни, здесь нет солнца и света, никаких тебе смешливых и хорошеньких служанок, одни суровые воины да старухи какие-то шныряют... Но подвалы – это вообще ужас! Да и кто хранит казну в подвале? А если набег? Пожар? Надо будет как-нибудь потом осторожно намекнуть, что имело бы смысл устроить тайник неподалеку от спальни наместника, чтобы все было под рукой, так сказать.

А пока француз осторожно спускался по не слишком ровным ступеням, подобрав полы плаща и морщась от запаха сырости и еще чего-то мерзкого. Наверняка и темницы где-то тут неподалеку... Так и есть – из темного тоннеля потянуло нечистотами, и даже донесся стон. Тавернье приостановился было, но следовавший за ним солдат с факелом непочтительно ткнул француза кулаком в спину и просипел что-то на своем варварском наречии.

Вот и дверь. Казначей извлек из-под плаща тяжелый ключ и, передав факел солдату, принялся отпирать замок. Потом забрал у солдата факелы и тот отворил тяжеленную – дуб, окованный железом – дверь.

Казначей и Тавернье вошли внутрь, солдат передал им факел, а сам остался снаружи.

Через некоторое время Тавернье, в отчаянии, почти не наигранном, вздымал руки и оглашал тесное помещение стенаниями:

– Что вы хотите, чтобы я тут увидел? При свете факелов? В таком чаду? Я ведь ювелир, а не счетовод! Я должен не просто пересчитать камни, но определить их цвет, яркость, наличие примесей и особенности цвета... это же драгоценные камни, а не золото, которое можно отлить в любую форму и определить его чистоту путем несложных проб. Да, с золотом и серебром я смогу справиться здесь... хотя тут нечем дышать. Но камни! Это невымыслимо!

Все это он повторил, стоя на одном колене перед троном наместника. Тот недовольно подожгил губы, но Тавернье упорно стоял на своем: чтобы выполнить доверенную ему работу, нужен дневной свет.

И вот через несколько дней уговоров, дипломатических подходов и униженных просьб все более-менее устроилось.

Каждое утро крайне недовольный казначей под охраной солдат направлялся в подвал, брал порцию камней и украшений и нес их – шествуя по гулким каменным коридорам в сопровождении топавшего и гремящего мечами конвоя – в башню. Вообще-то, это была сторожевая башня, но все звали ее Башней Королевы.

Трудно было поверить, что такое возможно, но казначей стал относиться к заезжему ювелиру еще хуже, чем прежде, и порой Тавернье казалось, что он видит огонек ненависти в глазах цвета застывшей воды. «Наверное, этот урод спит там же, в подвале, прижавшись к холодным камням и обхватив руками сундуки с драгоценностями», – думал Тавернье.

В башне немилосердно дуло, но он готов был на что угодно, лишь бы не спускаться обратно в страшное, душное и сырое подземелье. Он делал вид, что не замечает холода казначея, и каждый раз приветствовал его улыбкой и теплыми словами, словно они были лучшими друзьями. Вот и сегодня, когда бледный и, как всегда, одетый во все черное человек показался на пороге, француз заулыбался, потер руки и всем своим видом показал, что готов к работе.

– Я так благодарен вам, друг мой, что наместник и вы разрешили мне работать здесь! Потому что только так я смогу выполнить свои обязанности как подобает, и меня не будет мучить совесть за возможные ошибки! Свет и воздух – вот две вещи, незаменимые для любого из сынов Франции. Ну, тепло тоже, конечно, не помешало бы... ха-ха... – Он придвинул к столу полную горячих углей жаровню – от нее шло хоть какое-то тепло. – И еще хочу сказать, что с этой башни открывается чудесный вид... Очень красивые места. А Башней Королевы она, наверное, зовется в честь какой-нибудь влюбленной красавицы, которую запер здесь отец или ревнивый муж?

Он говорил все это, не слишком рассчитывая на ответ. Просто тянул время, заполняя тягостное молчание и ожидая, пока казначей поставит на стол ларец и уйдет. Но к его вящему удивлению, казначей разлепил бледные губы и сказал:

– Нет. Башня названа в честь жены одного из валахских господарей... Валахия тут неподалеку, наши соседи, так сказать. Это очень известная в наших краях личность. Его звали Владислав Дракула.

– Сын Дракона?

– О да, его отец был членом ордена Дракона и оба они мечтали видеть свою страну независимой от турок и жизни ради этого не жалели... но Влад был известен не только своей ненавистью к туркам, но и своей жестокостью. Его любимым наказанием было сажать людей на кол. Говорят, он был подвержен странным вспышкам гнева, которые могла сдерживать только любимая жена, кроткая и набожная женищина, родом из наших мест. Валахские господа вели тогда почти непрерывные войны. Однажды, во время осады, королеве принесли известие, что муж ее убит, замок захвачен, и она вот-вот станет пленницей турок. Не желая позора, она бросилась вниз вот точно с такой же башни, да. И умерла, да...

Голос казначея наполнял помещение башни, и Тавернье казалось, что он умножается, отражаясь от стен. Жан-Батист Тавернье не был трусом. Имей он слабые нервы – остался бы дома, а не пустился бы странствовать, мечтая не только разбогатеть, но и повидать мир. И все же он был человеком склада авантюрного, но отнюдь не склонным к жестокости. И ему неприятно было слушать рассказ казначея, который все говорил и говорил, живописуя горе валахского господаря и его жестокость, которую некому стало сдерживать после смерти любимой жены, и некому было отмаливать его грехи.

– ... И однажды он без боя победил турецкую армию, да... Потому что велел казнить несколько тысяч человек, среди которых были и пленные турки и свои же, местные, в чем-то провинившиеся. Когда турецкий военачальник увидел поле, уставленное кольями, на которых вот уже несколько дней висели люди, и некоторые были еще живы, он повернул назад... А господаря Влада прозвали Цепеш, что значит Сажатель на кол. А в другой раз...

– Прошу вас, господин казначей! – Тавернье, борясь с дурнотой, решил прервать увлекшегося рассказчика. – Утро дарит нам свет, но сумерки подкрадутся быстро, и мне хотелось бы выполнить сегодня намеченную работу.

Казначей помолчал, потом подошел к шкатулке, стоявшей на столе. Его тонкая рука скользнула под крышку, и он извлек на свет божий мешочек из плотной кожи. Растянул завязки и на его ладони оказался кроваво-красный камень. Несколько долгих секунд мужчины стояли молча и неподвижно. Казначей – словно не в силах выпустить из рук драгоценность, а ювелир – восхищенно разглядывая темно-красное пламя камня, которое оживило даже мертвенно бледную кожу держащей его руки.

Словно нехотя, казначей положил рубин на стол и сказал, с недоброй улыбкой глядя на француза:

– Начните с этого камня, мастер. Это рубин господаря Цепеша. Он никогда не расставался с ним и порой, как говорят, купал его в крови своих жертв.

Несколько мгновений казначей любовался тем, как на глазах бледнел Тавернье. А потом ушел, оставив ювелира заниматься делом.

Жан Батист Тавернье выполнил свою работу: составил подробную опись всех камней и драгоценностей, находившихся в сундуках. Проверил чистоту золотых и серебряных монет и слитков. Изготовил к свадьбе дочери наместника драгоценную диадему. Получил щедрую плату за свои услуги и покинул двор наместника. Но уезжал он, неся на душе тяжкий грех. В предсвадебной суете в замке царила неразбериха, а казначею приходилось труднее всех. Он был болен, очень болен. Тавернье однажды увидел, как похожий на призрака человек кашляет, прижимая к губам платок, и платок этот краснеет от крови. Казначею недолго оставалось жить, и подсчет все увеличивавшихся расходов давался ему с трудом. И, пользуясь удачно сложившимися обстоятельствами, ювелир подменил один камень на другой. Он забрал с собой рубин господаря Цепеша и оставил взамен красивый, но ничем особо не примечательный камень, чуть меньшей каратности, и с пузырьками внутри. Но кто, кроме профессионала, заметит подмену?

Дело в том, что Тавернье узнал этот камень. Дома, в Париже, едва обучившись грамоте, он читал все, что только мог найти о других народах и странах. И мечтал, мечтал увидеть все своими глазами. Его идеалом стал знаменитый венецианский купец по имени Марко Поло. Он написал несколько книг. Впрочем, многие поговаривали, что он порядочно в них приврал, но разве это было важно? Когда юный Жан Батист склонялся над «Книгой о разнообразии мира», он переносился из родного Парижа в мир неизведанный. Он чувствовал горячий ветер, который терзал шедший по пустыне караван. На зубах скрипел песок, а под увешанными драгоценностями шелками прятались личики восточных красавиц. Фантастические животные и птица Рух, сокровища Востока и чудеса Индии – он грезил ими и ради них покинул отчий дом. Венгрия – не Индия, но это было началом долгого пути на Восток.

В одной из книг Тавернье прочел о приключениях монгольской принцессы, которая завладела рубином с пугающим названием «Ярость богов». Марко Поло писал, что своими глазами видел граненый камень, который хан Хубилай унаследовал от своего великого предка – Чингисхана, наводившего ужас на половину мира. Будучи венецианцем, Поло разбирался в камнях и подробно описал кроваво-красный цвет – цвет крови, которая вот-вот свернется. А еще он писал, что если смотреть внутрь камня, то можно увидеть лик смерти – распахнутый

в крике рот и слепые глаза. И что лик этот может привести человека к безумию, внушая ему жажду убийства. Поговаривали, что по приказу Чингисхана камень этот выкрали из одного индийского храма, посвященного древнему и кровожадному божеству. Рубин полнился яростью богов, и из-за него происходило немало войн.

Тавернье взял рубин в руки с неохотой, но потом не мог не ощутить силу камня. Ночами его мучили кошмары, он думал о крови, которая омывала блеск самоцвета, о тех безумных властителях, которые уже попадали и еще подпадут под его влияние и тогда развяжут новые войны.

Жан Батист Тавернье был человеком для своего времени исключительно порядочным и очень любознательным. Ему хотелось повидать мир. И он уже пустился в путь, он вышел на дорогу к своей мечте, он на пути в волшебную Индию. И вот – как проклятие, как призрак войны и смерти – встал на его пути этот кроваво-красный самоцвет. Войны – горе для путешественников. А Тавернье чертовски хотелось повидать мир. И тогда он решился на кражу. Он не властитель и не герой. Он просто ювелир и бродяга. Нужно спрятать камень, утопить его в глубоком море – и тогда есть шанс, что его собственные пути станут чуть более безопасными.

В период между 1631 и 1660 годами Тавернье совершил одно за другим три грандиозных путешествия в Персию и Индию. В Индии он нашел покровителя в лице правителя Ауренгзеба, который показал гостю свои сокровища. Среди них были крупнейший алмаз «Кохинор» («Гора света») размером в половину куриного яйца, многочисленные рубины и изумруды. Увидел там Тавернье и сказочно прекрасный Павлиний трон – гордость династии Великих Моголов. Изготовленный из золота и драгоценных пород дерева и инкрустированный тысячами небольших бриллиантов, рубинов и других камней, трон имел балдахин, но не из бархата или парчи, а из редчайшего огненно-красного карнеола (редкая разновидность агата). До сих пор неизвестно, получил ли Жан-Батист в дар от Ауренгзеба крупный синий бриллиант весом в 110 каратов или он приобрел его у кого-либо из торговцев. Так или иначе, но в Париж путешественник вернулся со многими драгоценностями, включая и уникальный синий бриллиант.

Он объездил полмира и повидал больше чудес и диковинок, чем все его соотечественники вместе взятые.

Тавернье получил богатство и рыцарский титул. Но счастье его всегда было в дороге. Не перечесть, скольких опасностей и смертей он избежал. Иной раз он думал, что странным образом его бережет грех – украденный камень. Он изъял его из обращения, не продал ни королю Людовику, ни правителю из рода Великих Моголов. Проезжая через Италию, Тавернье остановился в монастыре Святого Франциска Асизского. Место было сказочное, от белокаменного здания словно шел свет. Тавернье молился, молился истово. А потом решил исповедаться и спросить совета у известного своей святостью слепого старца. Он нашел старика в саду за монастырем и тот, услышав просьбу, кивнул.

– Только давай не пойдем в исповедальню, сын мой, – попросил старик. – Может, оно и грех, но я все равно тебя не вижу... Солнышко сегодня такое теплое, что даже мои старые кости согрелись. Расскажи мне... не все, но то, что пугает тебя и не дает покоя.

И Тавернье рассказал старику о камне. Вынул из кармана шелковый лоскут, развернул и вложил рубин в руки слепого старца, смутно надеясь, что тот заберет его, и тогда он, Тавернье, станет свободным. Но старец разжал ладони, и камень покатился на траву.

– Я не могу помочь тебе, сын мой, – печально сказал старик. – Если сможешь, избавься от него. Выброси в море, да поглубже. Хотя такие вещи всегда возвращаются. И все же если мир отдохнет от него хоть несколько сотен лет, и то будет благо.

– Дух мой слаб, отец, – прошептал Тавернье.

– О нет, не наговаривай на себя. И вот что... ты ведь ювелир?

– Да.

– Значит, глаз твой точен и память хорошая. Видел ли ты розу на нашей церкви?

– Да, и она прекрасна!

– Это божественная красота, а она всегда помогает одолеть тьму, которая порой норовит смутить даже самые сильные души. Иди и взгляни на розу еще раз. И потом, в минуты слабости, вспоминай ее и скользи мыслью по ее каменному узору. Ибо это молитва, сотворенная в камне ради света.

Старик ушел, прихрамывая и тяжело опираясь на кривой посох. Тавернье посидел еще на солнышке, глядя в подернутую дымкой даль, потом собрал немного земли, по которой прошел старик. Позже он смешал ее с клейким составом и обмазал камень, чтобы спрятать его блеск. Положил его в кожаный мешочек, на котором монахиня–кармелитка вышила слова молитвы и знак святого креста. И этот мешочек он всегда носил на шее, никому не рассказывая о том, что внутри.

Мири сняла обруч с лупой и зажмурилась. Потом просто посидела несколько минут с закрытыми глазами. Нужно какое-то время, чтобы все пришло в норму. Она протянула руку и коснулась лежащих перед ней сапфиров – тех трех, что еще не убрала в пронумерованные пакетики. С ними не хотелось расставаться.

– Вы закончили?

Стеклянные двери за спиной разъехались, и на пороге возник заказчик: эффектный мужчина лет пятидесяти, он двигался стремительно, а за ним в хвосте вились присные, то бишь, подчиненные. Мири нередко работала с Павлом Генриховичем, хозяином крупной ювелирной компании, и сотрудничество это было весьма выгодным в материальном плане, однако всякий раз девушка пребывала в напряжении. Каждый раз Павел Генрихович словно сомневался в ней, хмурился, и она была уверена, что несколько раз он перепроверял ее заключения. Вот и теперь, недовольно оттопырив полную нижнюю губу, ювелир смотрел, как она убирает камни в пакетики и подписывает отпечатанные бланки экспертизы. Его заместитель, Семен Исаевич, круглый дядька с блестящей лысиной в обрамлении одуванчикового пуха волос, подмигнул девушке. Мира бледно улыбнулась в ответ. Больше всего ей хотелось на воздух, на живой солнечный свет. Спина и шея болели от долгого сиденья, жгло глаза, надо бы закапать лекарство, но не здесь и не сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.